

КНИГА ТРЕТЬЯ.

ПСИХОЛОГІЯ ОБРАЗОВАНІЯ И ВОСПИТАНІЯ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Психологическія основы образованія.

1. Психологическія основы образованія по воззрѣніямъ Университета. Почему въ парламентской комисіи долго разсуждали объ образованіи, но не затронули вопроса о томъ, какимъ образомъ вещи проникаютъ въ умъ и укрѣпляются въ немъ. Всѣ были согласны съ принципомъ мнемоническаго обученія, и потому никому не пришло въ голову оспаривать этотъ принципъ.

2. Психологическая теорія образованія и воспитанія. Превращеніе сознательнаго въ безсознательное. Всякое воспитаніе состоитъ въ искусствѣ заставлять переходить сознательное въ безсознательное. Это достигается созданіемъ ассоціацій, сперва сознательныхъ, которыя дѣлаются затѣмъ безсознательными. Законъ ассоціацій и созданіе рефлексовъ. Диссоціація рефлексовъ. Ихъ господство. Человѣкъ вышелъ изъ варварства лишь послѣ того, какъ научился быть господиномъ своихъ наслѣдственныхъ рефлексовъ. Внутренняя дисциплина. Воспитаніе должно дѣйствовать на безсознательность ребенка, а не на его слабый разумъ. Указанные принципы приложимы ко всему, чему можно обучать. Законы усвоенія того, чему обучаютъ, одни и тѣ же для всѣхъ отраслей образованія и воспитанія.

3. Какимъ образомъ теорія сознательныхъ ассоціацій, обратившихся въ безсознательныя, объясняетъ формированіе инстинктовъ и характеровъ народовъ. Примѣненіе указанныхъ общихъ принциповъ къ частнымъ случаямъ. Формированіе инстинктовъ у животныхъ. Формированіе характеровъ у народовъ. Какимъ образомъ опытъ создаетъ привычку, и какъ послѣдняя въ концѣ концовъ дѣлается наслѣственной, т. е. обращается въ инстинктъ, составляющій тогда характеръ расы.

4. Современная педагогика. Мнѣніе учителей о малой дѣятельности педагогическихъ правилъ. Полнѣйшее невѣжество ихъ въ психологіи ребенка. Наша педагогика не имѣетъ подъ собою научныхъ основаній. Возможность основать ее на психологическихъ началахъ.

5. Образованіе по экспериментальному методу. Всякое обученіе должно быть сначала основано на опытѣ. Опытъ долженъ всегда предшествовать теоріи. Превосходство англійскаго и нѣмецкаго образованія постоянно поддерживается примѣненіемъ этого принципа. Не только науки, но и исторія, языки, географія и т. д. должны преподаваться по экспериментальному методу.

1. Психологическія основы образованія по воззрѣніямъ Университета.

Критическая часть нашего труда почти окончена. Мы показали, на основаніи заявленій, сдѣланныхъ въ парламентской комисіи лицами, принадлежащими даже къ Универси

тету, чего стоитъ практикуемое ими образованіе и воспитаніе. Показавъ также, что всякая реформа въ настоящее время не осуществима, мы могли бы освободить себя отъ предложенія какой либо реформы.

Поэтому мы и не будемъ предлагать никакой, и если мы продолжаемъ наше изслѣдованіе, то только потому, что намъ казалось интереснымъ опредѣлить психологическіе принципы образованія и воспитанія, столь мало еще извѣстные педагогическому составу нашего Университета. Вслѣдъ за указаніемъ этихъ принциповъ, необходимо будетъ, для выясненія ихъ значенія, показать, какимъ образомъ они примѣняются ко всѣмъ отраслямъ обученія.

Такое изслѣдованіе въ настоящее время не имѣетъ практическаго значенія. Оно не можетъ найти примѣненія до того дня, когда настоятельнымъ экономическимъ и социальнымъ потребностямъ удастся измѣнить умственный складъ, какой имѣютъ въ настоящее время учителя, родители и воспитанники.

Прежде, чѣмъ указать психологическіе принципы, которые должны бы были служить основаніемъ обученія, напомнимъ въ нѣсколькихъ словахъ тѣ принципы, какіе допускаемы Университетомъ.

Мы уже въ нашемъ введеніи, говоря о парламентскомъ разслѣдованіи, обратили вниманіе читателя на то, какъ поразительно было видѣть столько выдающихся людей, долго обсуждавшихъ вопросы объ образованіи и воспитаніи и ни разу не подумавшихъ о томъ, какимъ образомъ вещи проникаютъ въ разсудокъ и усваиваются имъ.

Правду сказать, они не имѣли никакого повода касаться послѣдняго вопроса. Вообще въ собраніяхъ никогда не обсуждаютъ принциповъ, относительно которыхъ всѣ единодушно согласны. И вотъ, всѣ учителя правительственныхъ школъ у латинскихъ народовъ, внѣ всякихъ споровъ, держатся принципа, что только одною памятью умъ усваиваетъ вещи. Если же классическое образованіе даетъ такіе ничтожные результаты, то это объясняется лишь тѣмъ, что наши программы и учебники плохи: зачѣмъ тогда искать другихъ причинъ?

Мы видѣли послѣдствія этого основного принципа, неискоренимаго въ настоящее время у латинскихъ народовъ.

Благодаря этому принципу, наше обученіе упало такъ низко, что ниже и упасть не можетъ. Воспитанники бесполезно теряютъ 8 лѣтъ въ коллегѣ, и черезъ 6 мѣсяцевъ послѣ экзамена у нихъ не остается ровно ничего изъ того, что они выучили по книгамъ. Отъ этой восьмилѣтней каторги у нихъ остается только одно сильное отвращеніе къ ученію, и ихъ характеръ надолго искалѣченъ. Наиболеѣ способные будутъ вынуждены во второй половинѣ своей жизни передѣлать свое воспитаніе, не удавшееся имъ въ первой половинѣ.

2. Психологическая теорія образованія и воспитанія.

Превращеніе сознательнаго въ безсознательное.

Но если не память должна служить основаніемъ образованія и воспитанія, то на какихъ же психологическихъ началахъ должны быть построены методы, посредствомъ которыхъ вещи прочно усваивались бы уму?

Истинныя психологическія основы образованія и воспитанія не зависятъ отъ программъ и примѣнны при всякихъ программахъ. Ихъ не найдешь готовыми въ книгахъ, но есть много воспитателей въ другихъ странахъ, которые сумѣли ихъ понять и примѣнить. Именно по этой причинѣ мы и видимъ, что однѣ и тѣ же программы, въ зависимости отъ страны и народа, даютъ весьма различные результаты. По виду нѣтъ никакого различія, такъ какъ программы совершенно одинаковы, но въ дѣйствительности—все различно.

Основной психологическій принципъ всякаго обученія можетъ быть выраженъ одной формулой, какую я нѣсколько разъ повторялъ въ моихъ трудахъ: *всякое воспитаніе состоитъ въ искусствѣ заставить сознательное перейти въ безсознательное*. Когда этотъ переходъ совершился, воспитатель этимъ самымъ создалъ у воспитанника новые рефлексy, всегда покоящіяся на прочной основѣ.

Общій методъ, который приводитъ къ этому результату, — переходу сознательнаго въ безсознательное, — состоитъ въ томъ, чтобы создавать ассоціаціи сперва сознательныя, превращающіяся затѣмъ въ безсознательныя.

Какія бы знанія ни приобрѣтались: говорить на какомъ нибудь языкѣ, ѣздить верхомъ или на самокатѣ, играть на роялѣ, рисовать, изучать какую-либо науку или искусство,—механизмъ обученія всегда одинъ и тотъ же. Нужно различными искусственными приемами заставлять сознательное переходить въ бессознательное; приемы эти состоятъ въ созданіи ассоціацій *), которыя, въ свою очередь, постепенно создаютъ рефлексъ.

Выработка самой морали (можно было бы сказать «и особенно морали») не ускользаетъ отъ этого закона. Мораль только тогда и становится прочною, когда она сдѣлалась бессознательною. Только тогда она можетъ служить руководителемъ въ жизни. Не разумъ, къ бы тамъ ни думали, могъ бы выполнить эту роль. Книжное обученіе еще того меньше.

Новѣйшая психологія показала, что въ повседневной жизни бессознательное играетъ значительно большую роль, чѣмъ сознательное сужденіе. Развитіе бессознательнаго достигается искусственнымъ созданіемъ рефлексовъ, происходящихъ отъ повторенія нѣкоторыхъ ассоціацій. Эти ассоціаціи, повторенныя достаточное число разъ, создаютъ непроизвольныя бессознательныя дѣйствія, т. е. привычки. Повторенныя во многихъ поколѣніяхъ, эти привычки дѣлаются наслѣственными и тогда составляютъ характеры расъ.

*) Законъ ассоціацій, служащій основаніемъ современной психологіи, конечно слишкомъ хорошо извѣстенъ читателямъ этого труда, чтобы нужно было выяснять здѣсь его начала. Ограничусь только напоминаніемъ двухъ формъ ассоціацій, къ которымъ приводятся всѣ остальные, и именно: ассоціаціи по смежности и ассоціаціи по сходству.

Принципъ ассоціацій по смежности слѣдующій:

Если нѣсколько впечатлѣній производилось на умъ одновременно или одно слѣдовало непосредственно за другимъ, то достаточно уму воспріять одно изъ нихъ, чтобы въ немъ проявились въ тотъ же моментъ и остальные.

Принципъ ассоціацій по сходству можно выразить такъ:

Впечатлѣнія даннаго момента вызываютъ въ умѣ сходныя съ ними впечатлѣнія прошлаго.

Все воспитаніе живыхъ существъ, главнымъ образомъ, основано на принципѣ ассоціацій по смежности.

Этотъ принципъ служитъ основаніемъ при дрессировкѣ лошади, позволяя ассоциировать самыя противорѣчивыя вещи, какъ, напр., остановка на галопѣ при ударѣ хлыстомъ. Если въ теченіе нѣсколькихъ дней продѣлывать одно за другимъ два дѣйствія: 1) ударъ хлыстомъ и 2) быструю остановку коня посредствомъ натягиванія повода, то скоро достаточно будетъ только перваго дѣйствія—удара хлыстомъ, чтобы конь при свободномъ поводѣ остановился самъ.

Задача воспитателя состоитъ въ томъ, чтобы создавать или измѣнять эти рефлексъ. Онъ долженъ совершенствовать полезныя врожденныя рефлексъ и стараться уничтожить или, по крайней мѣрѣ, ослабить вредныя. Въ извѣстныхъ границахъ мы можемъ создавать наше безсознательное, но разъ оно сформировалось, то становится, въ свою очередь, хозяиномъ и нами руководить.

Эти искусственно вызываемыя рефлексъ, способныя видоизмѣнять безсознательное, всегда создаются ассоціаціями, которыя въ началѣ были сознательными. Результаты этихъ ассоціацій обнаруживаются, когда ребенокъ учится ходить, и когда взрослый учится игрѣ на роялѣ или какому-нибудь ремеслу.

Рефлексъ, созданныя воспитаніемъ, не имѣютъ, конечно, той устойчивости, какую обладаютъ упроченныя наслѣдственностью, и вотъ почему воспитаніе только въ слабой степени можетъ измѣнять характеры расъ.

Безъ непрерывныхъ упражненій созданныя воспитаніемъ рефлексъ могутъ разстраиваться, терять свою связность. Приобрѣтенныя посредствомъ привычки, они только ею и поддерживаются. Акробаты, наѣзники, музыканты должны постоянно упражняться, чтобы избѣжать разстройства связи въ рефлексакъ, которые они съ трудомъ приобрѣли.

Одни рефлексъ могутъ быть противопоставлены другимъ. Достаточно лишь сильнаго проявленія воли, чтобы ихъ подчинить себѣ. Когда чья-нибудь рука приближается къ глазу, онъ рефлексивно закрывается, но нужно лишь немного упражненія и воли, чтобы привыкнуть управлять этимъ рефлексомъ и держать глазъ открытымъ при приближеніи руки.

Одна изъ главныхъ цѣлей воспитанія, какъ сказано выше, состоитъ въ томъ, чтобы искусственно вызывать рефлексъ, которые могли бы, сообразно случаю, развивать или, напротивъ, ослаблять рефлексъ наслѣдственныя. Всѣ первобытныя люди, женщины, дикари, дѣти и даже самые образованные люди въ извѣстные моменты своей жизни управляются своими наслѣдственными рефлексами. Подъ вліяніемъ момента, не заботясь о послѣдствіяхъ, они ведутъ себя, какъ негръ, продающій утромъ за стаканъ вина одѣяло, которое долженъ будетъ вновь купить вечеромъ, когда станетъ холодно, или

какъ Исаѣ, которому преданіе приписываетъ, что онъ уступилъ свое право первородства, право существенное, но полезное лишь въ отдаленномъ будущемъ, за чечевичную похлебку, вещь маловажную, но полезную въ данный моментъ.

Человѣкъ началъ выходить изъ состоянія варварства, въ которомъ еще столько погружено его корней, лишь тогда, когда научился управлять собою, т. е. управлять своими наслѣдственными рефлексами. Человѣкъ, достигнувшій высокой культуры, умѣетъ распоряжаться своими рефлексами, какъ пианистъ своимъ инструментомъ. Предвидѣніе отдаленныхъ послѣдствій своихъ поступковъ дѣлаетъ его господиномъ надъ побужденіями, соблазну которыхъ онъ поддался бы въ данный моментъ.

Эту огромную задачу—пріобрѣсти внутреннюю дисциплину—удалось благопріятно разрѣшить небольшой части человѣчества, несмотря на вѣковыя усилія, несмотря на всю строгость законовъ и на ихъ страшныя угрозы. Для большинства людей созданная законами внѣшняя дисциплина замѣняетъ внутреннюю, которую они не сумѣли пріобрѣсти. Но дисциплина, которая поддерживается только страхомъ передъ закономъ, всегда очень не надежна, и общество, которое поκειται только на жандармахъ, никогда не бываетъ особенно прочнымъ.

Могущество народа всегда могло довольно точно измѣряться своимъ богатствомъ въ людяхъ, обладающихъ этой внутренней дисциплиной, которая позволяетъ имъ управлять своими рефлексами. Поэтому они, вмѣсто того, чтобы безотчетно поддаваться побужденіямъ минуты, могутъ поступать согласно съ тѣмъ, въ какомъ видѣ имъ представляются отдаленныя послѣдствія поступка. Разумное воспитаніе или потребности среды могутъ создать эту дисциплину. Укорененная наслѣдственностью, она становится характеромъ расы. Справедливо поступаютъ англичане, ставя на первое мѣсто изъ всѣхъ качествъ характера *self control*, т. е. господство надъ собой. Это качество является одною изъ главныхъ причинъ ихъ могущества. Не «познавай себя», а «управляй собой» долженъ былъ бы древній мудрецъ начертать на фронтонѣ своего жилища. Знать себя не всегда удается и служить только къ развитію въ людяхъ безконечной скромности. Управлять собой иногда удается, и это качество всегда помогаетъ людямъ извлекать пользу въ жизни.

Воспитатель не долженъ разсчитывать на слабый разумъ ребенка, а долженъ дѣйствовать на его безсознательныя чувства. При немъ можно иногда разсуждать, но пускаться съ нимъ въ разсужденія никогда не слѣдуетъ. Къ тому же совершенно бесполезно объяснять ему цѣль предъявляемаго къ нему требованія. Самая маленькая дисциплина, лишь бы она была достаточно непреклонна, всегда выше самой лучшей и наилучшимъ образомъ придуманной изъ системъ нравственнаго воспитанія. Выше потому, что она, благодаря повторенію ассоціацій, въ концѣ концовъ, создаетъ рефлексъ, которые, присоединяясь къ рефлексамъ наслѣдственнымъ или наслаиваясь на нихъ, могутъ усиливать или измѣнять ихъ, когда это нужно. Внѣшняя дисциплина создаетъ внутреннюю, когда ею не владѣютъ наслѣдственно. Ловкость ремесленника въ его работѣ, ловкость солдатъ и моряковъ въ ихъ военномъ и морскомъ дѣлѣ вырабатываются постепеннымъ созданіемъ такихъ рефлексовъ.

Приемы, необходимые для созданія этихъ рефлексовъ, конечно, измѣняются сообразно съ тѣмъ, чему нужно обучать, но основной принципъ всегда одинъ и тотъ же: повторять вещи, которыя должны выполняться до тѣхъ поръ, пока онѣ будутъ отлично исполнены. Только тогда необходимые рефлексъ будутъ созданы и, можно прибавить, будутъ укрѣплены надолго.

Чтобы достигнуть цѣли, какую долженъ преслѣдовать учитель, онъ можетъ дѣйствовать на воспитанника разными средствами, какимъ научаетъ его или, по крайней мѣрѣ, должна научить психологія. Подражаніе, внушеніе, обаяніе, примѣръ, увлеченіе суть такіе приемы, которыми онъ долженъ умѣть пользоваться. Разглагольствованіе и разъясненіе, это — единственные методы, которые должны быть безусловно отброшены, хотя большинство педагоговъ нашего Университета имѣетъ совершенно противоположное мнѣніе. Они, впрочемъ, не думаютъ объ этомъ потому, что никогда не давали себѣ труда изучить душу ребенка, никогда не задавались вопросомъ, какимъ образомъ формируются его представленія, и какія побужденія способны на него дѣйствовать.

Изложенныя выше вкратцѣ обобщенія будутъ, я думаю, достаточно очевидными въ отношеніи нѣкоторыхъ приобретаемыхъ знаній, о которыхъ я уже говорилъ. Самокатчикъ,

наѣздникъ, піанистъ, вспоминая первые шаги своего выступленія, не забыли, какія трудности имъ пришлось преодолѣвать, какъ бесполезны были усилія ихъ разума до тѣхъ поръ, пока не создались необходимые рефлексы. Ихъ сознательное напряженное вниманіе не давало имъ ни равновѣсія на самокатѣ или на конѣ, ни ловкости въ пальцахъ при игрѣ на роялѣ. Лишь только послѣ повторенія соотвѣствующихъ ассоціацій создались рефлексы, и, когда ихъ работа сдѣлалась безсознательною, они безъ затрудненія могли ѣздить на самокатѣ, на конѣ или играть на роялѣ.

Между тѣмъ, чего, кажется, совершенно не понимаютъ воспитатели латинской расы, это: 1) что техника приѣмовъ обученія нѣкоторымъ искусствамъ приложима безъ измѣненій къ обученію чему бы то ни было; 2) что среди разныхъ приѣмовъ для созданія ассоціацій, которыя въ свою очередь создаютъ рефлексы, обученіе по книгамъ и посредствомъ памяти является, быть можетъ, единственнымъ приѣмомъ, какой не можетъ дать желаемого результата.

Всякій отлично знаетъ, что можно было бы въ теченіе всей своей жизни изучать правила музыки, верховой ѣзды, живописи и умѣть пересказывать все, что написано объ этихъ искусствахъ въ разныхъ книгахъ, и не умѣть ни играть на роялѣ, ни ѣздить верхомъ, ни обращаться съ кистью. Впрочемъ, въ отношеніи подобныхъ искусствъ, эта истина не можетъ встрѣтить возраженія. Ошибочно думать, что въ огромной области классическаго образованія законы усвоенія знаній какіе-то другіе. Только тогда, когда общество и учителя начнутъ догадываться, что для всѣхъ видовъ обученія эти законы одни и тѣ же, приемы воспитанія у латинскихъ народовъ могутъ измѣниться. Мы еще не дошли до этого, но какъ только общественное мнѣніе станетъ руководствоваться этими идеями, то, я думаю, достаточно будетъ двухъ десятковъ лѣтъ на обсужденіе и полемику, чтобы бессмысленность нашего чисто мнемоническаго обученія всѣмъ рѣзала глаза. Тогда оно развалится само, какъ рушатся древнія учрежденія, которыхъ никто уже не защищаетъ.

3. Какимъ образомъ теорія сознательныхъ ассоціацій, обратившихся въ бессознательныя, объясняетъ формированіе инстинктовъ и характеровъ народовъ.

Принципы, только-что указанные мною, имѣютъ безусловно общее значеніе. Они такъ же хорошо примѣняются къ воспитанію человѣка, какъ и къ образованію инстинктовъ у животныхъ и къ формированію характеровъ у народовъ, которые, въ сущности, не что другое, какъ инстинкты.

Основаніемъ всякому прочному приобрѣтенію ума всегда служитъ образованіе бессознательныхъ рефлексовъ, созданныхъ ассоціаціями, которыя въ началѣ были сознательными. Нѣтъ другого средства заставить сознательное перейти въ область бессознательнаго.

И чтобы показать общность и плодотворность этихъ основныхъ принциповъ воспитанія, мы приложимъ ихъ къ труднымъ случаямъ, а именно къ формированію инстинктовъ и характеровъ расъ въ психологическомъ отношеніи.

Инстинкты животныхъ когда-то считались чѣмъ-то необъяснимымъ и таинственнымъ. Г. Перье, профессоръ естественно-историческаго музея, былъ однимъ изъ первыхъ, кто отважился прямо заявить, что инстинкты эти создались при посредствѣ разума и являются простыми результатами воспитанія отдѣльныхъ экземпляровъ, выполненнаго ихъ предками при помощи упражненій. Повторенное въ достаточной мѣрѣ, это воспитаніе сдѣлалось наслѣдственнымъ и сформировало тѣ бессознательныя дѣйствія, какія не требуютъ никакого предварительнаго воспитанія, и которыя мы называемъ инстинктами.

Это объясненіе совершенно примыкаетъ къ нашему. Читатель, который хорошо себѣ представляетъ то, что было сказано выше, легко видитъ, какъ сознательныя ассоціаціи, порожденные необходимыми для жизни упражненіями, могли создавать рефлексъ, сдѣлавшіеся наслѣдственными послѣ повторенія ихъ въ длинномъ рядѣ поколѣній.

Нѣкоторые изъ этихъ инстинктовъ какъ бы совсѣмъ выходятъ изъ ряда обыкновенныхъ, и еще очень недавно натуралисты и психологи ограничивались только тѣмъ, что восхищались ими, не думая ихъ объяснять. Таковъ, напр., ин-

стинктъ, характеризующій извѣстныя разновидности осъ и выражающійся въ томъ, что осы кладутъ червей возлѣ своихъ личинокъ, развитія которыхъ онѣ никогда не увидятъ, и ужаливаютъ каждаго червя въ опредѣленное мѣсто съ такимъ расчетомъ, чтобы онъ остался живъ, но впалъ бы въ параличное состояніе и не могъ бы уйти, а послужилъ бы въ свое время пищей для развернувшейся личинки.

Этотъ инстинктъ еще гораздо болѣе чудесенъ, чѣмъ онъ кажется на первый взглядъ.

Есть только, говорить г. Перье, нѣкоторые насѣкомыя, которыя такъ чувствительны, что отъ укола жала приходятъ въ параличное состояніе; у этихъ насѣкомыхъ нервная система сосредоточена въ одной массѣ, въ которую можетъ быстро проникнуть капля животнаго яда. Наши осы знаютъ ихъ, выбираютъ ихъ среди такого множества встрѣчаемыхъ ими насѣкомыхъ и только на нихъ и нападаютъ. Если бы онѣ дѣлали это съ сознательнымъ расчетомъ, то нужно было бы допустить, что онѣ знаютъ опасность трупнаго разложенія, умѣютъ различать параличъ отъ смерти, что физиологія нервной системы имъ такъ же хорошо извѣстна, какъ и употребленіе ядовъ, и что, наконецъ, онѣ имѣютъ точныя понятія по анатоміи насѣкомыхъ и систематической энтомологіи.

Осы не могутъ имѣть такихъ понятій; какимъ же образомъ онѣ приобрѣли свой инстинктъ? Все посредствомъ той же техники ассоціацій, позволяющей самокатчику ѣздить на самокатѣ, скрипачу играть на скрипкѣ, акробату ходить по канату, ребенку приобретать мораль. Изъ безконечнаго множества ассоціацій, какими могутъ пользоваться самокатчики, скрипачи, акробаты и т. д., въ концѣ концовъ повтореніе закрѣпляетъ въ нихъ наиболѣе полезныя. Онѣ становятся тогда безсознательными и создаютъ рефлексъ. Взаимодѣйствія между послѣдовательными элементами нервной системы (нейроны), вначалѣ случайныя, затруднительныя, не установившіяся, дѣлаются въ концѣ правильными и легкими. Дѣйствіе становится тогда безсознательнымъ, но оно еще не наслѣдственно и потому не представляетъ собой инстинкта. Оно не можетъ обратиться въ инстинктъ, пока не повторится въ значительномъ числѣ поколѣній. Только тогда, когда оно сдѣлалось наслѣдственнымъ, проявленіе его, въ силу этой наслѣдственности, не требуетъ никакой воспитательной подготовки, и безсознательное дѣйствіе можетъ быть названо инстинктомъ.

Изъ слѣдующихъ объясненій г-на Перье хорошо видно, какимъ образомъ теорія воспитанія, которую мы изложили, примѣнима къ образованію инстинктовъ у животныхъ, и особенно у ося, о которыхъ говорено выше:

Всякій разъ, когда наблюдаютъ у какого-нибудь животного какой-либо изумительный инстинктъ, находятъ у животныхъ той же группы рядъ постепенно повышающихся инстинктовъ, начиная отъ очень простыхъ, отъ которыхъ, посредствомъ ряда послѣдовательныхъ и вполне объяснимыхъ измѣненій, можно дойти до инстинкта, который приводитъ въ изумленіе, когда наблюдался въ отдѣльности. Такимъ образомъ, наша оса была, такъ сказать, подготовлена длиннымъ рядомъ своихъ предковъ: обыкновенная оса каждый день приноситъ своимъ дѣтенышамъ мертвую добычу, и это представляется вполне естественнымъ; другія это дѣлаютъ не такъ часто, но онѣ недостаточно еще наловчились; онѣ увеличиваютъ количество добычи, жуятъ головки своихъ жертвъ, дѣлаютъ излишніе уколы своимъ жаломъ и только постепенными шагами достигаютъ изящной хирургической точности, какая не уступаетъ наукѣ.

Если бы запечатлѣть на лентѣ кинематографа всѣ эти послѣдовательные шаги, то можно было бы оживить во всѣхъ подробностяхъ логическое развитіе самаго удивительнаго изъ всѣхъ инстинктовъ. Тѣмъ же путемъ можно было бы установить, какъ постепенно развивалось умѣніе свивать гнѣзда, какъ готовились инстинкты общительности у термитовъ, пчелъ и муравьевъ, или у бобровъ, а также какъ возрѣла удивительная умѣлость этихъ животныхъ.

Изъ общности закона, очевидно, слѣдуетъ, что всѣ инстинкты развивались постепенно. Если разные моменты этого развитія выражены у животныхъ не одного, а разныхъ родовъ, то это показываетъ, что инстинкты и формы породъ измѣнялись съ одинаковой медленностью. Основной и убѣдительный фактъ тотъ, что послѣдовательныя ступени развитія, которыя ведутъ къ какому-либо сложному инстинкту, встрѣчаются у животныхъ одного и того же семейства, т. е. въ одномъ и томъ же генеалогическомъ ряду.

Тогда способность нѣкоторыхъ отдѣльныхъ существъ, переиманіе ихъ дѣйствій современниками ихъ, воспитаніе въ одномъ и томъ же духѣ послѣдовательныхъ поколѣній, измѣнявшееся черезъ длинные періоды подъ вліяніемъ какого-либо проблеска ума, были бы достаточны, чтобы объяснить происхожденіе инстинктовъ, а также непрерывность и медленность ихъ измѣненія.

Но насѣкомыя обыкновенно живутъ лишь нѣсколько недѣль и не знаютъ своихъ дѣтенышей, не могутъ сами приобрѣтать опытности и воспитывать ихъ; настоящая ихъ природа не даетъ ни одной данной для объясненія ихъ инстинктовъ; слѣд., въ исторіи ихъ произошло какое-то событіе, которое порвало цѣпь фактовъ.

Къ счастью, геологи открыли намъ удивительныя вещи изъ прошлаго нашей планеты, которыя позволяютъ сдѣлать порванную цѣпь.

Дѣло въ томъ, что въ первыя геологическія времена, когда температура была высокая, и зимы не было, насѣкомыя жили въ теченіе многихъ лѣтъ, тогда какъ теперь они живутъ только въ одно время года.

Благодаря этой-то долговѣчности насѣкомыя и могли дойти до способности къ разумнымъ дѣйствіямъ, которыя удивляютъ насъ въ настоящее время; первый разъ случилось на землѣ, что умственные спо-

собности существъ дошли до своего апогея. Ничто не мѣшало тогда поколѣніямъ насѣкомыхъ смѣшиваться между собой, каждое изъ нихъ передавало слѣдующему то, чему выучивалось само. Въ ихъ еще не тронутыхъ мозгахъ традиціонныя привычки образовали механизмы, которые сперва были индивидуальны, потомъ сдѣлались наследственными, какъ тотъ механизмъ для передвиженія, который столько птицъ и млекопитающихъ передаютъ своимъ дѣтенышамъ въ готовомъ видѣ, и образованіе котораго стоитъ нашимъ дѣтямъ столько же неудачныхъ попытокъ и столько же слезъ.

Съ охлажденіемъ земного шара и съ появленіемъ зимъ продолжительность жизни большинства насѣкомыхъ значительно сократилась.

Впредь не будетъ больше разумныхъ дѣйствій; только наследственно пріобрѣтенные и когда-то созданные разумомъ механизмы упорно сохраняются: имъ мы обязаны изумительными, наблюдающимися теперь инстинктами. Однако, проявленія этихъ инстинктовъ отдѣлены отъ создавшихъ ихъ причинъ; мы не знали бы, какъ ихъ связать, если бы геологія не открыла намъ, что зимы на землѣ появились позже, и если бы эмбриологія не указала намъ, что появленіе зимъ повлекло за собой сокращеніе жизни насѣкомыхъ.

У насѣкомыхъ, какъ пчелы и муравьи, жизнь которыхъ осталась довольно продолжительной, опытъ, подражаніе, воспитаніе могутъ, когда это вызывается необходимостью, измѣнять и совершенствовать инстинкты.

Нравы, обычаи, привычки, пишетъ г. Перье, не одинаковы у всѣхъ индивидовъ даннаго рода, какъ должно бы быть при проявленіи одного только инстинкта.

Всякій муравейникъ имѣетъ свои пріемы, которые въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ отличаются отъ сосѣдняго, и которые удавалось даже, въ извѣстныхъ случаяхъ, создавать опытнымъ путемъ.

И въ самомъ дѣлѣ, дѣйствія, какія продѣлываютъ муравьи, есть результатъ настоящей работы ума. Конечно, эта работа не повторяется каждый день всѣми членами одного и того же общенія... Исторія насѣкомыхъ, живущихъ сообществами, на которыхъ зимы не оказали вліянія, подтверждаетъ, что ихъ умственная способность была начальной формой ихъ умственного склада; инстинкты ихъ въ настоящее время не болѣе, какъ остатки, или, если угодно, свидѣтели ихъ умственной способности въ прошломъ.

Приведенный примѣръ касается почти только старыхъ, вполне сложившихся инстинктовъ, но достаточно наблюдать окружающихъ насъ животныхъ, чтобы видѣть, какимъ образомъ рефлексы, созданные ассоціаціями, сперва сознательными, появляются, укрѣпляются наследственностью и преобразовываются въ зависимости отъ воспитанія и отъ потребностей жизни, какимъ они подчинены. Этотъ предметъ еще очень мало изученъ, но на него устремится вниманіе въ тотъ день, когда поймутъ, что онъ можетъ имѣть преобладающее

значеніе при выборѣ методовъ, пригодныхъ для воспитанія ребенка.

Не многочисленны еще примѣры вновь созданныхъ инстинктовъ, какіе можно наблюдать у домашнихъ животныхъ. Извѣстно, впрочемъ, что стойка собаки, сдѣлавшаяся теперь наслѣдственною и, слѣд., инстинктивною, была когда-то выработана дрессировкой. Мы видимъ другія подобныя же дѣйствія, начинающія превращаться въ наслѣдственные, но еще не вполне превратившіяся. Примѣромъ такихъ дѣйствій можетъ служить выработанная у гончихъ собакъ сноровка противодѣйствовать обычной хитрости спасающагося отъ ихъ преслѣдованія оленя, состоящей въ томъ, что когда онъ усталъ, то направляетъ погоню на другого, со свѣжими силами, оленя, которому легче уйти. Только шестьдесятъ лѣтъ тому назадъ, по свѣдѣніямъ г. Куто (Couteaux), въ Пуату (Poitou) начали дрессировать собакъ въ этомъ направленіи. Онѣ еще не инстинктивно исполняютъ нужныя дѣйствія, и приходится воспитывать каждое поколѣніе, но продолжительность необходимаго воспитанія съ каждымъ новымъ поколѣніемъ становится все меньшею и меньшею, и теперь на первомъ же году своей жизни онѣ начинаютъ исполнять то, что ихъ предки могли выполнять лишь на третьемъ или четвертомъ году.

Все сказанное выясняетъ намъ роль, какую можетъ играть воспитаніе въ образованіи достоинствъ или недостатковъ народа. Созданныя извѣстными потребностями существованія и среды, удержавшіяся прочно въ нѣсколькихъ поколѣніяхъ, они, наконецъ, сдѣлались наслѣдственными и далеко переживаютъ тѣ условія, подъ вліяніемъ которыхъ они возникли. Съ психологической точки зрѣнія, характеры народовъ состоятъ, въ сущности, изъ инстинктовъ.

Очевидно, напр., что какаѣ-нибудь бѣдная нація, обитающая на островѣ, въ суровомъ климатѣ, и вынужденная въ теченіе вѣковъ жить морскими экспедиціями, сдѣлается, неизбежно, безъ особаго воспитанія, предприимчивой и отважной.

Эти потребности среды, которыя мы не въ состояніи были бы создать, могли бы быть замѣнены соотвѣтствующимъ воспитаніемъ. Если бы оно велось правильно, то въ концѣ концовъ создало бы наслѣдственные рефлексы и, по

прошествіи значительнаго времени, измѣнило бы характеръ народа. Этимъ и объясняются слова Лейбница, что посредствомъ воспитанія можно было бы въ одинъ вѣкъ совершенно измѣнить ликъ страны.

Вѣка, вѣроятно, не хватило бы, какъ полагалъ знаменитый философъ, для образованія наслѣдственныхъ характеровъ, но несомнѣнно, что въ этотъ срокъ могли бы создаться нѣкоторыя природныя дарованія.

4. Современная педагогика.

Все только-что нами сказанное показываетъ, насколько было бы важно имѣть надежныя правила для воспитанія, вытекающія изъ указанныхъ нами принциповъ. Такія правила не могутъ быть установлены иначе, какъ послѣ самаго тщательнаго изученія психологіи животныхъ и дѣтей, когда мы будемъ знать до мельчайшихъ подробностей приемы, какими можно укрѣплять въ нихъ привычки и создавать инстинкты. Можно сказать, что этотъ вопросъ едва только затронуть. И только тогда, когда онъ будетъ хорошо изученъ, можно будетъ написать настоящее научное сочиненіе по педагогикѣ. Это была бы одна изъ самыхъ полезныхъ книгъ, написанныхъ со временъ начала исторіи.

Пока приходится намъ руководствоваться опытомъ и ограничиться извлеченіемъ изъ указанныхъ нами основныхъ принциповъ нѣкоторыхъ общихъ правилъ для представляющихъ частныхъ случаевъ. Это, очевидно, является очень большимъ требованіемъ отъ способностей воспитателей, и вотъ почему такъ рѣдко приходится намъ видѣть среди нихъ такихъ, которымъ дѣло воспитанія удастся. Хорошіе воспитатели такъ же рѣдки, какъ и хорошіе дрессировщики.

Самые просвѣщенные педагоги нашего Университета сами сознаютъ, насколько ихъ педагогика элементарна и ненадежна.

Не можетъ быть вопроса, какъ вѣрно замѣчаетъ г. Компейрэ (Compaugé), объ установленіи педагогики въ окончательной формѣ до тѣхъ поръ, пока не установится рациональная психологія.

Въ книгѣ *Инструкціи, программы и правила*, изд. 1890 г., которая все еще служить руководствомъ для на-

шого обученія, г. Л. Буржуа, бывший тогда министромъ народнаго просвѣщенія, рекомендуетъ учителямъ «способствовать съ своей стороны развитію этой науки—психологіи ребенка, которая пока еще существуетъ только въ видѣ отрывковъ, и созданію другой, вовсе еще не существующей науки—психологіи молодого человѣка».

Очень разумны эти совѣты. До крайности изумительно, что изученіе такой полезной науки никогда никого не соблазняло. Поколѣнія учителей смѣняются одно за другимъ безъ того, чтобы кому-нибудь пришла мысль изучить психологію молодыхъ людей, которые ихъ окружаютъ. Между тѣмъ какъ наблюдать ихъ только и могли бы тѣ, кто съ ними живетъ. Ученымъ, которые въ своихъ лабораторіяхъ разрѣзаютъ безконечное множество лягушекъ и кроликовъ, удалось установить нѣкоторые любопытные факты, какъ, напр., скорость нервной передачи, математическое соотношеніе между возбудителемъ и ощущеніемъ, но по предмету обыденной психологіи они насъ еще ничему не научили. *)

За недостаткомъ научнаго сочиненія по педагогикѣ, которое не могло бы быть написано въ настоящее время, было бы чрезвычайно полезно произвести изслѣдованіе не общихъ положеній и не программъ, какъ это дѣлалось до сихъ поръ, а подробностей, относящихся къ методамъ, какіе примѣняются въ разныхъ учебныхъ заведеніяхъ за границей. Оно одно могло бы показать результаты различныхъ педагогическихъ приѣмовъ. Въ каждомъ заведеніи всегда нашлось бы чему поучиться. Чтобы указать на эту сторону вопроса, приведемъ нижеслѣдующую выдержку изъ статьи, помѣщенной въ газетѣ *Temps* (25 сентября 1901 года) за подписью г. Массона - Форестье (Masson-

*) Я убѣжденъ, какъ сказалъ выше, что для того, чтобы дать серьезное основаніе столь сложному предмету, какъ психологія ребенка, нужно начать съ изученія гораздо болѣе простой психологіи животныхъ. Тогда очень скоро обнаружатся такія вещи, какихъ почти и не подозревали, и какія могутъ быть непосредственно приложены къ воспитанію. Читатель найдетъ тому доказательство въ моемъ мемуарѣ о психологическихъ началахъ воспитанія лошади, который я когда-то помѣстилъ въ *Revue philosophique*, и который, впослѣдствіи, я развилъ въ особомъ трудѣ *Equitation actuelle et ses principes*. Верховая ѣзда всегда составляла мое главное развлеченіе: я имѣлъ случаи дрессировать трудныхъ лошадей, что дало мнѣ возможность опредѣлить основныя принципы, которые примѣнимы ко всѣмъ классамъ существъ, и формулировку которыхъ нельзя найти въ книгахъ.

Forestier), гдѣ изложены нѣкоторые приемы воспитанія, примѣняющіеся въ знаменитой нѣмецкой школѣ въ Кенигс-фельдѣ:

У нихъ педагогическая система основана на томъ, что напряженіе личнаго усилія, вызываемое обязательной работой, уменьшено до минимума—до двухъ часовъ въ день. Другіе шесть часовъ посвящены курсамъ, которые изучаются учениками какъ со словъ, такъ и наглядно. Никогда ни одинъ изъ уроковъ не продолжается болѣе 45 минутъ. Много рекреаций, и много разъ въ день кормятъ учениковъ.

Юноша въ каждомъ классѣ проходитъ *посильный для себя* курсъ, т. е., если ученикъ второго класса отсталъ по математикѣ, то онъ будетъ по этому предмету проходить курсъ третьяго, даже четвертаго классовъ. Ни одинъ учитель никогда не имѣетъ болѣе 12—13 учениковъ. Ребенокъ, который недостаточно понялъ какое-либо объясненіе, можетъ тотчасъ же послѣ урока просить своего учителя поесѣдовать съ нимъ.

Наиболѣе употребительное наказаніе—это *stillstrafe* или молчаніе. Это молчаніе выдерживается въ теченіе всѣхъ свободныхъ часовъ дня. Повидимому, оно является очень тяжелымъ наказаніемъ. Тѣмъ не менѣе *итильштрафе* часто налагается. Моравскіе братья *) считаютъ, кромѣ того, что это наказаніе составляетъ превосходный режимъ. Юноша, подвергавшійся этому наказанію довольно часто, понемногу привыкаетъ говорить лишь рѣдко. Такимъ образомъ, воспитанники, которые были болѣе всего наказаны, не будутъ ни легкомысленными, ни сварливыми, ни хвастунами. Умѣя владѣть собой, они будутъ больше вслушиваться, взвѣшивать свои слова, обдумывать свои поступки. Они не будутъ задѣвать себѣ подобныхъ разными насмѣшками, характеръ у нихъ будетъ болѣе покладистый, и потому они будутъ имѣть меньше враговъ въ жизни.

Я взялъ съ собой на прогулку одного изъ молодыхъ французовъ, обучающихся въ этой школѣ, и засыпалъ его вопросами. Какъ онъ можетъ выносить такую тяжелую дисциплину? Не жаждетъ ли онъ скорѣе вернуться домой? Сударь, отвѣтили мнѣ этотъ умный мальчикъ, родомъ изъ Бордо, я чувствую себя настолько хорошо, что вмѣсто того, чтобы поѣхать на каникулы домой, просилъ остаться, чтобы имѣть возможность участвовать въ заграничной поѣздкѣ, какую школа совершаетъ ежегодно. Двадцать изъ моихъ товарищей также просили объ этомъ своихъ родителей. Сейчасъ мы вернулись изъ Тироля.

Не владѣя пока методами для воспитанія и образованія, какіе были бы примѣнимы ко всѣмъ вещамъ, составляющимъ предметъ обученія, мы знаемъ, по крайней мѣрѣ, тѣ общіе принципы, изъ которыхъ эти методы вытекаютъ. Зная, что цѣль всякаго воспитанія, это—превращать сознательное въ безсознательное, мы видимъ, что задача воспитанія всегда приводится къ опредѣленію для каждаго частнаго случая такихъ ассоціаций, которыя позволяютъ создавать, какъ можно скорѣе, необходимые рефлексы. Практика уже показала нѣсколько такихъ приемовъ. Мы встрѣтимся съ ними въ раз-

*) Братство основ. въ 1457 г.; остатки гусситовъ. *Перев.*

ныхъ главахъ этого труда и особенно въ главѣ о воспитаніи.

Что, безъ сомнѣнія, еще долго будетъ мѣшать латинскимъ народамъ придавать какое-либо значеніе методамъ образованія и воспитанія, такъ это ихъ непониманіе, что результаты того и другого не могутъ быть оцѣнены посредствомъ дипломовъ и состязаній.

Разъ дѣло обстоитъ такъ, что знанія должны оставаться въ умѣ только на короткое время, то для этого совершенно достаточно одной памяти. Сверхъ того, достигаемая воспитаніемъ качества, опредѣлить которыхъ нельзя никакимъ экзаменомъ, не вызовутъ никогда у латинскихъ народовъ усилій для пріобрѣтенія ихъ. Англичане имѣли недавно случай видѣть, къ чему можетъ привести это капитальнѣйшее заблужденіе насчетъ состязаній, которыя только и обнаруживаютъ силу памяти: въ отвѣтъ на поднятую въ прессѣ кампанію въ пользу уроженцевъ Индіи англичане согласились установить конкурсъ для занятія должностей по гражданской службѣ (civil service), т. е., вообще, въ административныхъ учрежденіяхъ имперіи. Бенгальскіе князья, обладая превосходной памятью, всегда одерживали верхъ надъ своими конкурентами европейцами, но какъ только имъ предоставляли административныя мѣста, то убѣждались, что въ нихъ нѣтъ и тѣни нравственныхъ началъ, ни разсудительности, ни энергіи, и что своимъ управленіемъ они быстро привели бы Индію къ анархіи, такъ что пришлось окольными путями лишить ихъ предоставленнаго имъ въ теоріи права занимать отвѣтственные должности. Англійскія колоніи обязаны своимъ процвѣтаніемъ превосходной ихъ администраціи, чего никто изъ имѣвшихъ возможность ее близко изучить и не оспариваетъ. Не по книжкѣ пріобрѣтаются качества характера, необходимые для того, чтобы выработать администраторовъ честныхъ и способныхъ, съ вѣрнымъ сужденіемъ о вещахъ, знающихъ управлять людьми и вести съ успѣхомъ какое-либо предпріятіе.

Не только, впрочемъ, одни качества характера не могутъ ни въ какой степени быть обнаружены на конкурсахъ. Послѣдніе не болѣе того способны обнаруживать и качества ума. Нѣмцы это уже давно поняли, и для всѣхъ важныхъ должностей, какъ, напр., для должности факультетскаго про-

фессора, не по экзамену они оцѣниваютъ кандидатовъ, а по ихъ самостоятельнымъ трудамъ. Такимъ-то путемъ они и могли создать профессорскій составъ, который, безспорно, занимаетъ первое мѣсто въ мірѣ, тогда какъ нашъ составъ профессоровъ находится на очень низкомъ уровнѣ.

Несчастные каторжники памяти, которыхъ мы видимъ во Франціи, перешагнувшіе сорокалѣтній возрастъ и все еще подготавливающиеся къ экстраординарной профессурѣ, оказываются, при достиженіи желаемыхъ должностей, неспособными ни къ какой самостоятельной работѣ. Ихъ умъ совершенно износился, и наука не можетъ на нихъ болѣе рассчитывать.

5. Образованіе по экспериментальному методу.

Изложенная нами психологическая теорія образованія и воспитанія приводитъ къ тому заключенію, что обученіе не должно быть мнемоническимъ. Если это такъ, то оно можетъ быть только экспериментальнымъ.

Ничтожная цѣнность мнемоническаго образованія была отмѣчена уже давно. «Знать на память не значитъ знать», сказалъ уже Монтэнъ.

«Когда ребенокъ, говоритъ Кантъ, не прилагаетъ на практикѣ грамматическаго правила, то мало толку въ томъ, что онъ его умѣетъ пересказать; онъ его не знаетъ. Тотъ же, кто примѣняетъ грамматику, непремѣнно ее знаетъ, и не важно, что онъ не умѣетъ ее пересказывать». Великій философъ сказалъ еще: «Лучшее средство для того, чтобы понимать, это — дѣлать самому. Если что и выучивается болѣе прочно и лучше всего удерживается, такъ это то, что выучиваешь тѣмъ или другимъ путемъ самостоятельно».

Мнемоническій методъ состоитъ въ обученіи посредствомъ лекцій или книгъ; экспериментальный методъ ставитъ сперва ученика въ соприкосновеніе съ дѣйствительностью и даетъ ему теорію только потомъ. Первый принятъ исключительно у латинскихъ народовъ, второй — у англо-саксовъ. Юноша латинской расы изучаетъ языкъ съ помощью грамматики и словарей и никогда на немъ не говоритъ. Онъ изучаетъ физику или другую подобную ей науку по книгамъ и никогда не умѣетъ обращаться съ физическими приборами. Если онъ

дѣлается способнымъ прилагать свои знанія, то это будетъ возможно лишь послѣ того, какъ онъ совершенно себя перевоспитаешь. Молодой англо-саксъ почти не раскрываетъ ни грамматикъ, ни словарей. Онъ изучаетъ языкъ на разговорной практикѣ. Онъ изучаетъ физику, производя манипуляціи на приборахъ. Онъ изучаетъ какую-нибудь профессію, напр. инженерное искусство, на практикѣ, т. е. поступаетъ рабочимъ въ мастерскую или къ строителю. Теорія придетъ потомъ. Такими-то простыми приѣмами англичане и создали рядъ садникъ ученыхъ и инженеровъ, считающихся первыми въ мірѣ.

Я вовсе не сторонникъ утилитаризма или, по крайней мѣрѣ, не принадлежу къ тѣмъ, кто хотѣлъ бы, чтобы обучали воспитанниковъ только такимъ вещамъ, которыя могутъ быть сейчасъ же использованы. Чего я требую отъ образованія и воспитанія, это развитія наблюдательности и способности къ размышленію, силы воли, разсудительности и предпріимчивости. Съ такими качествами человѣкъ всегда преуспѣваетъ въ своихъ предпріятіяхъ и выучиваетъ все, что захочетъ, когда ему это нужно. Все равно, какимъ путемъ будутъ пріобрѣтены такія качества. Если бы мнѣ было доказано, что заучиваніе латинскихъ стиховъ и переводы съ греческаго или санскритскаго языка даютъ такое пріобрѣтеніе, то я былъ бы первый ихъ защитникъ. Опытъ, къ несчастью, доказываетъ, что стихи, переводы и пересказы ни къ чему другому не служатъ, какъ только заставляютъ учениковъ бесполезно тратить свое время.

Если я и защищаю экспериментальное обученіе, то это потому, что оно одно только и можетъ развитъ наблюдательность и способность къ размышленію и разсужденію. Совсѣмъ не нужно разсуждать, чтобы выучить урокъ, и очень мало требуется разсужденія, чтобы сфабриковать рѣчь изъ позаимствованныхъ источниковъ. Напротивъ того, чтобы правильно выполнить опытъ, нужно уметь точно разсуждать и имѣть основательный навыкъ къ отчетливой работѣ.

Если бы было нужно выразить въ нѣсколькихъ словахъ основное психологическое различіе между системами обученія у латинскихъ народовъ и у англо-саксовъ, то можно было бы сказать, что первая опирается единственно на изученіе книгъ, тогда какъ вторая —исключительно на опытъ. Латин-

скіе народы вѣрятъ во всемогущую воспитательную силу уроковъ, тогда какъ англичане совсѣмъ не вѣрятъ въ нихъ и хотятъ, чтобы образованіе ребенка съ самаго начала его обученія велось преимущественно при посредствѣ опытовъ.

Я рѣшительно побуждаю молодыхъ людей, пишетъ С. Блеки (S. Blake), профессоръ Единбургскаго университета, начинать свое образованіе съ непосредственнаго наблюденія фактовъ, вмѣсто того, чтобы ограничиваться тѣмъ, что изложено въ книгахъ..... Не книга есть источникъ самостоятельныхъ и дѣйствительныхъ знаній, а сама жизнь, опытъ, размысленіе, инстинктивное пониманіе, личная распорядительность. Когда вооруженный такимъ образомъ человѣкъ вступитъ на жизненное поприще, книги могутъ пополнить многіе пробѣлы, исправить многіе недосмотры, укрѣпить многія слабыя стороны; но безъ жизненнаго опыта книга все равно, что дождь и солнечный лучъ, упавшіе на землю, которой никакой плугъ не касался.

О значеніи этихъ двухъ методовъ обученія можно судить по тѣмъ результатамъ, какіе ими достигаются. Молодой англичанинъ по окончаніи коллежа безъ всякихъ затрудненій находитъ себѣ дорогу въ промышленности, въ наукѣ, въ земледѣліи или въ торговлѣ, тогда какъ наши бакалавры, лиценціаты, инженеры способны только читать лекціи съ поясненіями на классной доскѣ. Спустя нѣсколько лѣтъ послѣ окончанія своего воспитанія они совсѣмъ забываютъ ихъ бесполезную науку. Если государство ихъ не устраиваетъ, то они становятся неудачниками. Если они сунутся въ промышленность, то тамъ ихъ терпятъ на самыхъ низкихъ должностяхъ, пока они не найдутъ средствъ совершенно перевоспитать себя, что почти никогда имъ не удастся. Если они пишутъ книги, то послѣднія выходятъ не болѣе, какъ блѣдныя перепечатки ихъ учебниковъ, столь же блѣдныя по формѣ, какъ и по замыслу.

Въ настоящее время найдется, можетъ быть, только одинъ изъ ста профессоровъ Университета, которому не показались бы такія идеи нелѣпыми. Книжное обученіе имъ представляется единственно возможнымъ даже въ области такихъ практическихъ знаній, какъ, напр., земледѣліе. Лучшій ученикъ—тотъ, кто лучше пересказываетъ свои учебники, будь онъ лицеистъ, политехникъ, лиценціатъ, воспитанникъ Центральной, Нормальной или всякой другой школы. Нѣсколько показанныхъ издали опытовъ, нѣсколько на-скоро продѣланныхъ манипуляцій, вотъ все, что Университетъ, кажется, считаетъ возможнымъ допустить въ пользу экспериментальнаго

метода. Все, что похоже, хотя и отдаленно, на ручной трудъ, презирается Университетомъ. Утвержденіе, что ручной трудъ, какъ бы ничтоженъ онъ ни былъ, гораздо болѣе способствуетъ упражненію разсудка, чѣмъ пересказъ всѣхъ трактатовъ по логикѣ, и что только опытъ можетъ создавать ассоціаціи, посредствомъ которыхъ знанія усваиваются умомъ, вызвало бы у большинства профессоровъ улыбку презрительнаго сожалѣнія. Они удивились бы очень, если бы кто-нибудь сталъ убѣждать ихъ, что человѣкъ, который хорошо знаетъ свое ремесло, уже только поэтому обладаетъ болѣе разсудительностью, болѣе сильной логикой и болѣе способностью къ размышленію, чѣмъ самый завзятый сфабрикованный Университетомъ знатокъ риторики. Ручной трудъ гораздо болѣе вырабатываетъ извѣстный умственный складъ, чѣмъ ловкость рукъ.

Не слѣдовало бы предполагать, что только такъ называемыя опытные науки могутъ преподаваться по экспериментальному методу. Мы скоро увидимъ, что языки, исторія, географія, мораль и т. д., словомъ все, что составляетъ часть образованія и воспитанія, можетъ и должно преподаваться по одному и тому же методу. Опытъ долженъ всегда предшествовать теоріи. Это положеніе является безусловно основнымъ. Не слѣдовало бы, напр., приступать къ обученію географіи ранѣе, чѣмъ воспитанникъ, вооруженный квадратнымъ кускомъ бумаги, карандашемъ и карманной бусолью, сдѣлаетъ планъ той мѣстности, какая служила ему для прогулокъ; онъ, такимъ образомъ, подготовится понимать изображеніе участка земли и переходить отъ перспективнаго вида мѣстности, какой только и можетъ представиться глазу, къ геометрическому ея изображенію.

Когда понятія не могутъ быть усвоены непосредственно по экспериментальному методу, нужно книгу замѣнять наглядными изображеніями того, что въ ней описывается. Ученикъ, который увидитъ въ волшебномъ фонарѣ, на фотографическихъ снимкахъ или въ коллекціяхъ музеевъ остатки древнихъ цивилизацій, получить болѣе ясное и болѣе прочное представленіе объ исторіи, чѣмъ если бы онъ все это почерпнулъ изъ описаній въ самыхъ лучшихъ книгахъ.

Англичане и нѣмцы далеко ушли въ этомъ направленіи,

и потому обученіе у нихъ, программы котораго часто одинаковы съ нашими, вообще превосходно.

Среди указанныхъ нами средствъ для усвоенія знаній и принциповъ, составляющихъ предметъ образованія и воспитанія, единственно за экспериментальнымъ методомъ мы будемъ признавать всѣ достоинства. Только посредствомъ его, и притомъ его одного, можно достигнуть цѣли, т. е. заставить сознательное перейти въ бессознательное, и вырабатывать людей.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Психологическія основы воспитанія.

1. Цѣль воспитанія. Воспитаніе характера гораздо важнѣе образованія. Достоинство человѣка и его успѣхи въ жизни измѣряются особенно тѣмъ, насколько развитъ у него характеръ. Качества характера, которые воспитаніе должно развивать. Разсудительность, предприимчивость, дисциплина, размышленіе, наблюдательность, солидарность, воля и т. д. Воспитаніе въ правительственныхъ школахъ (universitaires) далеко не развиваетъ этихъ способностей, но убиваетъ ихъ у тѣхъ, кто ими владѣетъ.

2. Психологическіе методы воспитанія. Приложение нашихъ общихъ принциповъ въ нѣкоторыхъ опредѣленныхъ случаяхъ. Развитие способности къ наблюденію и точному сужденію. Развитие дисциплины, чувства солидарности, глазомѣра, рѣшимости и т. д. Развитие настойчивости и воли. Важное значеніе и необходимость методовъ, какими нужно пользоваться. Народы никогда не погибаютъ отъ пониженія ихъ умственныхъ способностей, но отъ ослабленія ихъ характера. При той міровой эволюціи, какая совершается теперь, качества характера становятся все болѣе и болѣе необходимыми.

1. Цѣль воспитанія.

Больше, чѣмъ когда-либо, говорятъ теперь о нравственномъ воспитаніи, о необходимости вырабатывать людей, развивать ихъ характеръ и т. д. Это все—матеріалъ для красивыхъ рѣчей. Но гдѣ тѣ педагоги, которые пробовали бы осуществить дѣло, о пользѣ котораго они такъ кричатъ? Гдѣ тѣ, кто хотя бы поискалъ и указалъ вполнѣ опредѣленно методы воспитанія? Шесть томовъ «разслѣдованія» не содержатъ въ себѣ относительно воспитанія, въ тѣсномъ смыслѣ, ничего, кромѣ общихъ и неясныхъ мѣстъ, показывающихъ, до какой степени понятія въ вопросѣ воспитанія неопредѣленны въ умахъ тѣхъ, кто ихъ высказываетъ. А между тѣмъ, едва ли что-нибудь могло бы быть важнѣе этого вопроса. Образованіе, конечно, приносить гораздо меньшую пользу, чѣмъ воспитаніе.

Чѣмъ въ сущности измѣряется достоинство человѣка? «Тѣмъ, чему онъ выучился, т. е. тѣми дипломами, какіе онъ имѣетъ», отвѣтитъ латинянинъ. Англичанинъ или американецъ отвѣтитъ, что, напротивъ, качества человѣка весьма мало измѣряются его образованіемъ, а много зависятъ отъ его характера, т. е. отъ его предпріимчивости, его наблюдательности, его разсудительности и отъ его воли. При такихъ качествахъ не важно, если человѣкъ имѣетъ незначительныя научныя познанія. Когда понадобится, то онъ выучится всему тому, что ему нужно знать, и въ большинствѣ случаевъ изъ него можетъ выработаться личность, если онъ и не увѣренъ въ томъ, что онъ будетъ играть какую-нибудь роль. Человѣкъ, обладающій только мнемоническими дипломами, не пригоденъ ни на что, если государство не используетъ его въ такой дѣятельности, гдѣ работа вполнѣ ему предначертана, гдѣ не требуется отъ него проявленія и тѣни инициативы, ни размышленія, ни рѣшимости, ни воли. Въ теченіе всей его жизни имъ надо руководить, какъ несовершеннолѣтнимъ.

Воспитаніе должно имѣть цѣлью развивать извѣстныя качества характера, какъ-то: внимательность, способность къ размышленію, разсудительность, предпріимчивость, дисциплину, чувство солидарности, настойчивость, волю и т. д. Ихъ нельзя, разумѣется, развить ничѣмъ инымъ, какъ только упражненіемъ. Нужно развивать въ воспитанникѣ, главнымъ образомъ, тѣ изъ нихъ, какими онъ всего болѣе обдѣленъ. Эти качества въ различныхъ расахъ проявляются различнымъ образомъ, и потому воспитаніе, подходящее къ потребностямъ одного народа, можетъ не годиться для другого. Итальянецъ, русскій, англичанинъ и негръ не должны воспитываться одинаковымъ образомъ.

Наша правительственная школа не только не стремится уменьшить наши національные недостатки, а, напротивъ, только развиваетъ ихъ.

У латинскихъ народовъ весьма мало развиты чувство солидарности *) и чувство взаимнаго другъ къ другу располо-

*) Сравните-ка, напр., содержаніе англійскихъ журналовъ послѣ постыднаго пораженія, какое потерпѣла англійская армія въ Трансваалѣ отъ горсти крестьянъ, съ содержаніемъ французскихъ газетъ послѣ отчаянной схватки у Лангсона. Ни одинъ англійскій журналъ не пытался пошатнуть правительство. Мы опрокинули наше въ нѣсколько часовъ.

женія, а мы изо всѣхъ силъ стараемся уничтожить и послѣдніе слѣды этихъ чувствъ, развивая соперничество въ личномъ эгоизмѣ при содѣйствіи этого противнаго режима премій и состязаній, такъ справедливо уже давно осужденнаго англичанами и нѣмцами.

Латинскіе народы лишь въ очень слабой степени обладаютъ духомъ предпріимчивости, и мы подчиняемъ ихъ режиму непрерывнаго надзора, режиму размѣренной жизни съ расписаніемъ ихъ обязанностей по часамъ, которое не оставляетъ имъ, въ теченіе ихъ семи—или восьмилѣтней школьной жизни, ни одной минуты, когда они могли бы самостоятельно рѣшиться предпринять что-либо, хотя бы самое незначительное, когда они могли бы проявить въ чемъ-нибудь самую скромную инициативу. Какимъ же образомъ могли бы они пріучиться управлять собой, если они никогда не выходили изъ школы безъ надзирателя? Ихъ учителя и ихъ родители сочли бы очень опаснымъ предоставлять имъ самимъ влѣзть въ омнибусъ или ходить въ музей.

У латинскихъ народовъ очень мало развита воля, но отъ чего бы ей и развиться, если имъ никогда не приходится чего-либо добиваться по своему желанію? Дѣтьми руководятъ родители во всѣхъ мельчайшихъ ихъ дѣйствіяхъ, а юношами—ихъ учителя. Войдя въ возрастъ, они требуютъ покровительства отъ государства и безъ него неспособны что-либо предпринять.

Латинскіе народы отличаются нетерпимостью и фанатизмомъ, мечутся между упорствующимъ клерикализмомъ и не поступающимъ ни въ чемъ якобинствомъ *). Но какъ же могло бы быть иначе, если они только и видятъ вокругъ себя одну нетерпимость. Нетерпимость свободомыслящая и нетерпимость религіозная. И всегда съ презрѣніемъ одна сторона относится къ мнѣніямъ другой. Учителя правительственной школы и учителя школъ при религіозныхъ общинахъ пропитаны духомъ фанатизма, и общаго у нихъ только то, что они воодушевлены обоюдной другъ къ другу ненавистью. Не съ такими чувствами они могли бы наставлять своихъ воспитанниковъ въ каждой изъ этихъ ясныхъ по своему происхожденію сферъ, если бы ихъ обоюдная ненависть и рѣзкая брань уступили мѣсто взаимному пониманію причинъ, подъ

*) Между притязаніями церкви и крайне-революціонной демократіи.
Перев.

вліянієм которыхъ создались вѣрованія и въ той, и въ другой сферахъ. Нетерпимость—самый, быть можетъ, ужасный недостатокъ латинскихъ народовъ, противъ котораго просвѣщенный Университетъ, обладающій хотя немножко философскимъ складомъ ума, долженъ былъ бы неотступно бороться. Потеря испанцами всѣхъ принадлежавшихъ имъ колоній не дала имъ передышки отъ вѣчныхъ, терзающихъ ихъ раздоровъ. То же мы видимъ въ Италіи, то же происходитъ и во Франціи. Кажется, что чувство солидарности, столь могущественное у англо-саксовъ, все болѣе и болѣе исчезаетъ у латинскихъ народовъ. Это и есть, можетъ быть, одна изъ главныхъ причинъ, благодаря которымъ эти народы, стоявшіе такъ долго наверху цивилизаціи, медленно спускаются внизъ. Этому паденію въ значительной мѣрѣ содѣйствовали какъ духъ Университета, такъ и духъ школъ при религіозныхъ общинахъ.

2. Психологическіе методы воспитанія.

Психологическія основы воспитанія и образованія однѣ и тѣ же.

Еще болѣе можно сказать о воспитаніи, чѣмъ объ образованіи, что оно только и завершается тогда, когда сознательное перешло въ безсознательное. Качества характера: воля, выдержанность, инициатива и т. д. не являются продуктами отвлеченныхъ разсужденій и никогда не пріобрѣтаются изъ книгъ. Они укореняются только тогда, будь они наслѣдственные или пріобрѣтенныя, когда обращаются въ привычки, проявляющіяся совершенно независимо отъ размышленія. Разсуждающая мораль—плохая мораль, которая при первой представившейся выгодѣ расцѣлится. Не въ силу разсужденія, но чаще всего противъ его внушеній люди героически отдаютъ свою жизнь или готовы посвящать себя на достиженіе возвышенныхъ цѣлей.

Не всѣ качества характера можно пріобрѣсти воспитаніемъ. Есть качества наслѣдственные, результатъ долгаго прошлаго. Это—качества расы. Они создаются вѣками.

Но если воспитаніемъ нельзя создать нѣкоторыхъ качествъ, то оно можетъ, по крайней мѣрѣ, развитъ въ нѣкоторой степени тѣ дарованія, которыя лишь слабо проявляются. Должно бы быть совершенно очевиднымъ, что это воспитаніе характера не можетъ быть достигнуто наставленіями, но единственно посредствомъ опыта.

Мы указали уже общій принципъ методовъ, всегда экспериментальныхъ, на которые должно опираться воспитаніе. Пришлось бы написать цѣлый томъ, чтобы войти въ подробности всѣхъ пріемовъ, пригодныхъ для разныхъ случаевъ. Я ограничусь здѣсь нѣсколькими примѣрами изъ наиболѣе простыхъ.

Развитіе наблюдательности и точности. Эти качества характера являются самыми полезными изъ всѣхъ, какія нужно пріобрѣсти, а между тѣмъ они менѣе другихъ распространены.

Есть люди, пишетъ С. Блаки (S. Blakie), которые ходятъ съ открытыми глазами и ничего въ жизни не видятъ.

Ничего не можетъ быть страннѣе нашей манеры ходить съ открытыми глазами и ничего не видѣть. Это происходитъ оттого, что глазъ, какъ всякій другой органъ, нуждается въ упражненіи; слишкомъ прикованный къ книгѣ, онъ теряетъ свою силу, свою бодрость и окончательно становится неспособнымъ исполнять свою естественную роль. Признавайте же только такое начальное обученіе правильнымъ, при какомъ ребенку объясняютъ то, что онъ видитъ, и пріучаютъ его видѣть то, что иначе могло бы отъ него ускользнуть.

Развѣ очень искусные пріемы нужны, чтобы создавать безсознательные рефлексы, благодаря которымъ воспитанникъ пріобрѣталъ бы привычку точно наблюдать и съ точностью описывать то, что наблюдалъ? Никоимъ образомъ. Методъ обученія очень простъ, хотя нигдѣ онъ и не указанъ.

Желаемыхъ результатовъ можно достигнуть, пользуясь прогулками, при которыхъ всякій предметъ можетъ дать матеріалъ для точныхъ наблюденій. Мы пріучимъ сперва воспитанника смотрѣть только на одну какую-либо опредѣленную подробность чего-нибудь цѣлаго, напр., хотя просто на окна домовъ или на форму встрѣчающихся экипажей, и описывать ихъ потомъ съ точностью, что потребуетъ отъ него большого вниманія. Спустя нѣкоторое время онъ будетъ подмѣчать мельчайшія различія между частями вещей, почти одинаковыхъ между собой. Тогда переходятъ къ другой подробности тѣхъ же предметовъ. Черезъ нѣсколько недѣль воспитанникъ

привыкнеть видѣть съ перваго взгляда, т. е. безсознательно, различія, существующія въ группировкахъ разныхъ формъ, мимо которыхъ онъ проходилъ бы прежде, не различая ничего. Если бы тогда вмѣсто этихъ смѣшныхъ по слогу сочиненій, гдѣ воспитанникъ долженъ описывать бури, которыхъ не видалъ, битвы героевъ, о которыхъ только и узналъ кое-что изъ книгъ, его заставляли излагать письменно то, что ему бросилось въ глаза во время обыденной прогулки, то пришли бы въ изумленіе отъ его привычки къ наблюденію и къ точному сужденію, а впоследствии и отъ пріобрѣтеннаго имъ, такимъ образомъ, навыка къ размышленію. Другимъ пріемомъ я и не пользовался, чтобы очень скоро подмѣтить сходство и различіе въ памятникахъ, повидимому, похожихъ другъ на друга, какими изобилуютъ неизслѣдованные мѣста Азіи, и это потомъ дало мнѣ возможность понять, какъ развивалась вся архитектура.

Когда воспитанникъ сдѣлаетъ, такимъ образомъ, нѣкоторые успѣхи, мы расширимъ поле для его наблюденій. Мы заставимъ его, напр., описать магазинъ, мимо котораго онъ прошелъ, монументъ, который онъ видѣлъ, и мы пріучимъ его пояснять свое описаніе схематическимъ рисункомъ, не заботясь объ его красотѣ, а считая его только средствомъ для сокращенія описанія. Только тогда онъ самъ пойметъ, какъ трудно подмѣтить наиболѣе важныя подробности предмета, который какъ будто и былъ хорошо рассмотрѣнъ. Попробуйте возстановить въ памяти монументъ, мимо котораго вы проходите ежедневно въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, и составить его описаніе или рисунокъ; вы придете въ изумленіе отъ множества неточностей и упущеній, какія вы надѣлали, даже тогда, когда вашъ эскизъ былъ безупреченъ въ художественномъ отношеніи. Нужно много разъ повторять такія упражненія, чтобы *научиться подмѣчать* и пріобрѣсти нѣкоторый навыкъ въ точности наблюденія.

Этихъ-то пріемовъ обученія почти и не понимаетъ нашъ Университетъ. Я имѣлъ случай во время моего путешествія, въ одной изъ самыхъ любопытныхъ странъ Европы, встрѣтить и наблюдать нѣсколькихъ воспитанниковъ Нормальной школы. Наблюдали ли они страну, ея обитателей, ея памятники? Увы, нѣтъ! Они искали въ ученыхъ книгахъ готовыя свѣдѣнія о мѣстности, о нравахъ, объ искусствахъ, которые

были у нихъ на глазахъ; имъ даже и въ голову не пришло составить себѣ обо всемъ этомъ самостоятельное представленіе.

Развитіе дисциплины, солидарности, глазомѣра, точности и т. д. Эти качества съ точки зрѣнія пользы, какую они приносятъ въ жизни, являются основными, и вотъ почему англичане такъ настойчиво стараются ихъ развивать въ молодыхъ людяхъ. Этому развитію они достигаютъ посредствомъ такъ называемыхъ воспитательныхъ игръ, о которыхъ бесполезно здѣсь говорить, такъ какъ эти бурныя и подчасъ опасныя игры никогда не были бы допущены нашими семьями. Во французскихъ семьяхъ, какъ извѣстно, родители очень боятся за своихъ дѣтей *). Впрочемъ и директора учебныхъ заведеній, неся наказуемую отвѣтственность передъ судомъ за несчастные случаи, очевидно, никогда не согласились бы допустить такія рискованныя игры.

Чѣмъ менѣе серьезны будутъ тѣ случайности, какимъ подвергается въ играхъ молодой человѣкъ, тѣмъ въ меньшей мѣрѣ онъ будетъ овладѣвать такими качествами, какъ дисциплина, выносливость, смѣлость, рѣшимость, глазомѣръ, солидарность, а между тѣмъ упражненія въ играхъ быстро развиваютъ и могутъ укоренять эти качества въ молодомъ человѣкѣ. Они составляютъ силу англичанъ, но по причинамъ, какія я только-что указалъ, латинскіе народы должны отказаться отъ пріобрѣтенія ихъ. Наши смѣшныя гимнастическія упраж-

*) „Страхъ французскихъ матерей проникаетъ даже въ полкъ, пишетъ Максъ Деклеркъ; страхъ этотъ парализуетъ даже офицеровъ кавалеріи. Я видѣлъ, когда былъ волонтеромъ, одного капитана-инструктора, который, изъ боязни паденій съ лошади и жалобъ со стороны семей, не отваживался пускать насъ, драгоцѣнныхъ особъ, въ галопъ по полямъ“.

„Въ одномъ англійскомъ коллежѣ, расположенномъ въ лѣчебномъ курортѣ (Наггюу), читаемъ мы въ журналѣ *France de demain*, воспитанники купаются въ бассейнѣ, когда хотятъ, подъ единственной охраной внушенныхъ имъ требованій гігіены. Если они не соблюдаютъ этихъ требованій, тѣмъ хуже для нихъ. Въ прошломъ году одинъ изъ нихъ утонулъ. Въ его желудкѣ нашли около 2 фунтовъ вишенъ. По этому случаю всѣ были собраны въ большую аудиторію (*salle des „speeches“*), и врачъ объяснилъ имъ причину смерти ихъ товарища. Никакой другой предупредительной мѣры не было принято, и родители этимъ удовольствовались“. Пусть сравнятъ такое разумное отношеніе къ дѣлу съ тѣмъ, какъ относятся тѣ отцы французскихъ семей, упомянутые въ парламентскомъ разслѣдованіи, которые преслѣдуютъ директоровъ за то, что ихъ сыновья получили легкіе ушибы во время игръ.

ненія никоимъ образомъ не могутъ развивать этихъ качествъ. Военная служба, если она сопровождается дальними походами, могла бы одна, хотя нѣсколько, воспитать въ человѣкѣ эти качества.

Одною изъ самыхъ благодѣтельныхъ сторонъ этихъ воспитательныхъ игръ у англичанъ является тотъ духъ тѣснаго единенія, какимъ воодушевляется играющая молодежь. Въ одной изъ моихъ книгъ ¹⁾ я привелъ слѣдующій, изумившій не одного наблюдателя, примѣръ.

Молодые французы, играя въ мячъ съ англичанами, всегда проигрываютъ свою партію по той простой причинѣ, что англичанинъ, интересуясь успѣхомъ всей своей партіи, а не своимъ личнымъ, передаетъ товарищу мячъ, если самъ не можетъ его удержать, тогда какъ французъ старается удержать мячъ у себя, считая, что лучше проиграть партію, чѣмъ видѣть, что ее выигралъ товарищъ. Успѣхъ его партіи для него безразличенъ, онъ интересуется только своимъ личнымъ успѣхомъ. Этотъ эгоизмъ естественно сопутствуетъ французу и въ жизни, и если онъ дѣлается генераломъ, то можетъ иногда случиться, что онъ предоставитъ противнику возможность разгромить товарища по оружію, которому онъ могъ бы оказать помощь, какъ мы видѣли печальные тому примѣры въ нашей послѣдней войнѣ.

Что еще вырабатываютъ эти воспитательныя игры, это — большое самообладаніе, качество, которое англичане ставятъ выше всѣхъ другихъ и надъ изощреніемъ котораго неотступно работаютъ, когда замѣчаютъ, что оно недостаточно развито. Я вспоминаю одно соображеніе, какимъ подѣлился со мной, въ указанномъ смыслѣ, одинъ англійскій майоръ во время нашего пребыванія въ Индіи, въ одной ²⁾ болотистой заросшей чашѣ, гдѣ въ изобиліи водятся тигры и змѣи, и гдѣ ходить по ночамъ было очень опасно. Разъ, когда вечеромъ онъ уходилъ изъ нашего жилища, я его спросилъ, куда это онъ отправляется одинъ въ такой неудобонаселенной мѣстности. Послѣ нѣкотораго колебанія онъ, краснѣя, отвѣтилъ, что, не обладая еще въ достаточной мѣрѣ хладнокровіемъ и не владѣя своими нервами, онъ ходитъ каждый

¹⁾ *Психологія социализма*. Изданіе С. Будаевского. *Перев.*

²⁾ Mont Abou.

вечеръ упражняться, чтобы пріобрѣсти эти качества. Только стороной я узналъ, въ чемъ состоитъ это упражненіе. Онъ спускался въ глубину совершенно пустыннаго оврага, гдѣ нельзя рассчитывать ни на какую помощь, и выжидать въ засадѣ, когда появится тигръ у потока утолять свою жажду. Могли проходить цѣлые часы или даже вся ночь въ ожиданіи безъ успѣха. Въ теченіе всего этого времени стараешься размышлять о пользѣ, какую приносить самообладаніе, ибо, когда тигръ появился, то имѣешь всего 2 или 3 секунды, чтобы прицѣлиться въ голову и убить его наповаль. Если промахнешься или только ранишь его, то можешь считать себя навѣрно погибшимъ. Упражненіе, какъ видите, чрезвычайно рискованное, но когда оно продѣлывалось нѣкоторое время, то является увѣренность въ себѣ, и въ жизни ничто ужъ болѣе не страшитъ. Когда нація насчитываетъ у себя много закаленныхъ такимъ образомъ людей, то она призвана господствовать въ мірѣ.

Развитіе настойчивости и воли. Такія качества бываютъ чаще всего наслѣдственными и нелегко пріобрѣтаются. Можно, впрочемъ, ихъ нѣсколько развить воспитаніемъ. Для этого нѣтъ другого метода, какъ ставить воспитанника возможно чаще въ такія условія, когда ему приходилось бы размышлять, прежде чѣмъ на что-нибудь рѣшиться и заставлять его выполнять до конца принятое имъ рѣшеніе. С. Блеку рассказываетъ, что поэтъ Вордсвортъ, принявъ какъ-то разъ рѣшеніе сдѣлать экскурсію въ горы, продолжалъ идти, не смотря на сильную грозу, говоря, что «отказаться отъ проекта, чтобы избѣжать нѣкотораго неудобства, опасно для характера».

Англичане хорошо знаютъ цѣну этимъ мужественнымъ качествамъ, и вотъ почему они всегда возбуждаютъ въ нихъ живой восторгъ, даже если встрѣчаются у ихъ враговъ. Я заимствую изъ журнала *France de demain* слѣдующую выдержку изъ рѣчи, произнесенной лордомъ Розберри въ одномъ коллежѣ (Epsom):

Когда мы узнаемъ, что человѣкъ, гдѣ бы то ни было, превзошелъ своими мужественными качествами своихъ товарищей, мы приходимъ въ удивленіе и воздаемъ ему почести, не заботясь о томъ, къ какой странѣ онъ принадлежать. Я хочу привести вамъ въ примѣръ человѣка, имя котораго большинству изъ васъ хорошо извѣстно. Я хочу сказать о полковникѣ Маршанѣ. Это—французъ. Недавно онъ закончилъ свое

трехлѣтнее путешествіе черезъ Африку съ запада на востокъ при невѣроятныхъ лишеніяхъ, какія ему пришлось испытать; окруженный и сопровождаемый дикарями, которыхъ онъ сумѣлъ къ себѣ привязать, онъ настолько удачно выполнилъ свое предпріятіе, что навсегда покрылъ свое имя славой. Прибавлю къ этому, что, исполнивъ свой долгъ, онъ относился ко всѣмъ съ такимъ достоинствомъ и съ такой скромностью, что явился однимъ изъ тѣхъ, кого англичане съ удовольствіемъ чествуютъ. Въ прошломъ году, какъ это знаютъ нѣкоторые изъ васъ, былъ моментъ, когда, для исполненія своего долга, ему пришлось столкнуться съ интересами Англіи. Но я убѣжденъ, что, несмотря на этотъ мимолетный прискорбный случай, если бы полковникъ Маршанъ пріѣхалъ въ Англію, ему сдѣлали бы пріемъ, уступающій развѣ тому, какой онъ имѣлъ у себя на родинѣ. И всегда такъ поступаютъ въ Англіи. Самые горячіе пріемы, происходившіе во второй половинѣ прошлаго вѣка въ Лондонѣ, были сдѣланы иностранцамъ.

Я видѣлъ энтузіазмъ въ честь Косута, о которомъ, вѣроятно, мало кто изъ васъ что-нибудь слышалъ. Англичане видѣли въ немъ мужественнаго человѣка, и сердце ихъ радовалось привѣтствовать его. У меня съ дѣтства сохранились въ памяти флаги и украшенія, какими его встрѣчали. Другой пріемъ былъ оказанъ Гарибальди. Онъ былъ принятъ съ такимъ почетомъ, какого никто не удостоился кромѣ принцессы Уэльской при ея вѣздѣ. Какая тому причина? Онъ былъ мужественный человѣкъ.

Для латинскихъ народовъ, обладающихъ въ слабой степени настойчивостью и волей, нужно было бы значительно увеличить число случаевъ, какіе могли бы имъ послужить для упражненія въ этихъ главныхъ качествахъ, которыя достаточно обезпечиваютъ успѣхъ человѣка въ жизни, какъ бы скромны и трудны ни были его первые шаги. Ничто не можетъ противостоять твердой и настойчивой волѣ; психологи знаютъ, что она беретъ верхъ даже надъ физической болью *). Исторія показываетъ намъ, что воля можетъ восторжествовать и надъ людьми, и надъ богами, и что благодаря ей создались наиболѣе могущественныя царства.

Исторія намъ показываетъ также, что народы погибаютъ отъ ослабленія характера, а не отъ упадка ихъ умственныхъ способностей. Когда читаешь рассказы о несчастной войнѣ 1870 г., то прежде всего поражаешься

*) До сихъ поръ, пишетъ докторъ Эйферъ (Eifer), мало считались съ той ролью, какую играетъ воля субъекта при такъ называемыхъ истеричныхъ явленіяхъ. Чтобы сблизить между собой разные наблюденные съ разныхъ сторонъ факты, я приведу случай одного любителя европейца, котораго я зналъ въ Индіи. Увидя упражненія факировъ, онъ захотѣлъ имъ подражать. Заставляя сильно работать свою волю, онъ продѣлывалъ длинныя иглы сквозь свои щеки и сквозь кисти своихъ рукъ безъ всякаго ощущенія боли и безъ появленія крови. Если онъ пренебрегалъ этой работой воли, то чувствовалъ боль, и изъ ранъ сочилась кровь. Чтобы завоевать себѣ въ жизни положеніе, достигаемое самымъ труднымъ образомъ, достаточно, значить, только захотѣть этого, но нужно хотѣть твердо и долго, что удастся не всѣмъ.

этимъ полнымъ отсутствіемъ у начальниковъ всѣхъ степеней необходимыхъ качествъ характера. Утверждаютъ также, что они совершенно были лишены здраваго смысла, рѣшимости, смѣлости и, главное, инициативы. Стратегическія комбинаціи у нѣмцевъ были самыя простыя, но офицеры, какого бы чина ни были, обладали инициативой и знали, что нужно дѣлать въ каждомъ данномъ случаѣ, даже тогда, когда не получали приказаній. Мы только и отличались храбростью—качествомъ, которое могло быть достаточнымъ при маленькихъ арміяхъ прежнихъ временъ, когда онѣ маневрировали на глазахъ одного начальника. Достоинство каждой такой арміи опредѣлялось качествами ея начальника, и одного способнаго человѣка было достаточно для руководства ею. Въ настоящее время каждому офицеру приходится играть роль, принадлежавшую когда-то командующему отрядомъ, и въ будущемъ успѣхъ будетъ на сторонѣ тѣхъ армій, въ рядахъ которыхъ находится больше офицеровъ, отличающихся закаленнымъ характеромъ. Не чтеніемъ книгъ создаются такіе люди.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Обученіе нравственности.

Важное значеніе обученія нравственности. Нравственный уровень народа опредѣляетъ его мѣсто на ступеняхъ цивилизации. Правила нравственности неизмѣнны для данного народа въ данное время. Единственной основой нравственнаго воспитанія служить опытъ. Нужные для обученія методы. Необходимость приучать ребенка управлять самимъ собой. Необходимость для народа имѣть идеалъ, какъ бы ни былъ онъ слабъ съ философской точки зрѣнія. Независимость религіи и нравственности. Нравственность есть выраженіе общественныхъ потребностей. Сила народовъ, имѣющихъ прочно установившійся наслѣдственный нравственный идеалъ. Разумъ можетъ разбить идеалъ, но не можетъ вновь создать никакого. Идеалъ, который можно внушать въ настоящее время. Обожаніе родины. Сила этого чувства въ Англіи, Америкѣ и Германіи. Опасность для латинскихъ народовъ отъ гуманитаризма. Несообразные поступки филантроповъ. Роль армій.

Есть одинъ капитальный вопросъ въ дѣлѣ воспитанія, это — обученіе нравственности; вопросъ этотъ имѣетъ слишкомъ важное значеніе, чтобы не посвятить ему особой главы. Нравственный уровень народа, т. е. то, какъ онъ соблюдаетъ извѣстныя правила въ своихъ поступкахъ, опредѣляетъ его мѣсто на ступеняхъ цивилизации, а также и его могущество. Какъ только нравственность вывѣтривается, распадается пошвамъ и общественное зданіе.

Нравственныя начала, какими руководствуется народъ въ своихъ поступкахъ, могутъ видоизмѣняться у разныхъ расъ и въ разные эпохи, но для данной эпохи и для данного народа они должны быть неизмѣнны.

Нравственное воспитаніе, какъ всякое воспитаніе, должно опираться единственно на опытъ, а никакъ не на книжное обученіе.

Всякое обученіе нравственности будетъ недостаточнымъ до тѣхъ поръ, пока наставникъ не сумѣетъ научить воспитанника опытнымъ путемъ ясно различать добро отъ зла,

и пока онъ не вдолбитъ въ его голову яснаго понятія о долгѣ.

Какъ онъ достигнетъ такого результата? Развѣ посредствомъ заучиванія наизусть правилъ морали и правоученій? Нужно совершенно не знать склада ума у ребенка, чтобы предполагать, что такимъ способомъ можно было бы хотя нѣсколько вліять на его поступки. Развѣ посредствомъ религіозныхъ началъ, т. е. обѣщаніями благъ или угрозами наказаній въ загробной жизни? Такая далекая перспектива, даже если бы религіозныя гипотезы были доказанными истинами, никогда не оказала бы никакого воздѣйствія на поступки ребенка. Впрочемъ, эти гипотезы являются въ настоящее время не обоснованными *), и ребенокъ, подрастая, очень скоро это пойметъ. Что станется тогда съ началами морали, которыя не имѣли другой опоры, кромѣ только этихъ шаткихъ основаній?

Элементы нравственнаго воспитанія ребенка должны истекать изъ его личнаго опыта. Одинъ только опытъ образовываетъ людей и можетъ также образовывать и юношество. Общее порицаніе или одобреніе тѣхъ или другихъ поступковъ сейчасъ же показываетъ ребенку, что дурно и что хорошо. Опытъ ему указываетъ выгодныя или непріятныя послѣдствія нѣкоторыхъ дѣйствій и тѣ неизбежности, какія вызываются отношеніями къ себѣ подобнымъ, особенно если неотступно всегда заставляютъ его переносить послѣдствія своихъ поступковъ и возмѣщать причиненный ущербъ. Онъ долженъ своимъ личнымъ опытомъ познать, что трудъ, бережливость, порядокъ, законность, охота къ ученію въ конечномъ результатѣ увеличатъ его благосостояніе, отвѣтять его духовнымъ запросамъ, и, такимъ образомъ, онъ найдетъ въ нихъ награду для себя. Только послѣ того, какъ личный его опытъ произвелъ на него то или другое дѣйствіе, можетъ съ пользой выступить наставникъ и въ формѣ наставленія привести въ порядокъ полученныя имъ изъ опыта впечатлѣнія.

Нравственное воспитаніе нельзя считать законченнымъ до тѣхъ поръ, пока привычка дѣлать добро и избѣгать зла не

*) Въ глазахъ далеко не всѣхъ. Самъ авторъ въ другомъ своемъ трудѣ „Психологія социализма“ совершенно вѣрно устанавливаетъ громадную силу вѣрованій, не нуждающихся, конечно, въ обоснованной доказательности. *Перев.*

сдѣляется безсознательной. *Благородство характера можетъ измѣряться степенью безсознательности нравственныхъ началъ.* Очень хорошо умѣть бороться съ соблазномъ. Гораздо вѣрнѣе не имѣть даже и надобности въ этой борьбѣ. Къ сожалѣнію, воспитаніе рѣдко достигаетъ такого результата. Почти только одна наслѣдственность можетъ создать настолько сильную мораль, что она становится безсознательной, а слѣд. и совершенной.

Нравственное воспитаніе должно, въ особенности, научить человѣка управлять самимъ собой и свято почитать долгъ. Къ этой-то существенно важной цѣли и стремится англійское воспитаніе, и, надо признаться, оно англичанамъ вполне удалось. Англійскіе воспитатели постоянно озабочены тѣмъ, чтобы приучить ребенка—самому различать добро отъ зла и самому принимать то или другое рѣшеніе, тогда какъ у насъ ребенка учатъ только ходить на помочахъ *). Чтобы видѣть различіе между результатами французскаго и англійскаго воспитанія, надо близко наблюдать двухъ дѣтей одинаковыхъ лѣтъ, француза и англичанина, когда они поставлены въ какое-либо затрудненіе: первый—выказываетъ нерѣшительность, второй—рѣшимость.

Сильнѣе всего на нравственное воспитаніе вліяетъ среда. Внушенія, производимыя средой, играютъ вполне рѣшающую роль въ воспитаніи ребенка. Его наклонность къ подражанію настолько же сильна, насколько безсознательна. Его инстинктивныя правила, его идеалъ создаются подъ вліяніемъ поступковъ окружающихъ его существъ. «Скажи мнѣ, съ кѣмъ ты знакомъ, и я тебѣ скажу, кто ты такой», это—одна изъ самыхъ мудрыхъ нашихъ пословицъ. Ребенокъ уважаетъ то, что уважаютъ на его глазахъ другіе, и ненавидитъ то, что ненавидятъ другіе. Эти внушенія, воспринятые сперва невольно, превращаются у него въ рефлексы, укореняющіеся въ немъ въ концѣ концовъ на всю жизнь. Поэтому-то и

*) Въ Англии, пишетъ М. Леклеркъ, внушаютъ ребенку вѣру въ самого себя, предоставляя его съ раннихъ лѣтъ своимъ собственнымъ силамъ, зарождаютъ въ немъ чувство отвѣтственности, оставляя за нимъ, послѣ надлежащаго предупрежденія, свободу выбора между добромъ и зломъ. Если онъ поступилъ дурно, то долженъ понести кару за свою ошибку или претерпѣть послѣдствія своего поступка... Ему внушаютъ отвращеніе ко лжи, вѣрятъ ему всегда на-слово до тѣхъ поръ, пока онъ не будетъ уличенъ въ обманъ“.

велика роль родителей и учителей, гибельная или полезная. Безотчетное дѣйствіе обстановки и среды есть одна изъ самыхъ важныхъ данныхъ въ дѣлѣ нравственнаго воспитанія.

Хотя у французовъ родители очень занимаются своими дѣтьми, но далеко не обладаютъ способностью давать имъ нравственное воспитаніе. Они очень слабы, чтобы имѣть большой авторитетъ, и недостатокъ въ немъ очень уменьшаетъ ихъ престижъ. Сознавая эту слабость и чувствуя свое безсиліе въ дѣлѣ воспитанія, они какъ можно раньше помѣщаютъ своихъ дѣтей въ лицей, увѣренные въ томъ, что учителя сумѣютъ ихъ воспитать. Но лицей вообще представляетъ жалкую среду для нравственнаго воспитанія. Среди воспитанниковъ признается только право сильного. Надзирателя они считаютъ своимъ врагомъ, котораго поневолѣ приходится выносить, и открыто проявляютъ къ нему нерасположеніе, впрочемъ, взаимное. Что касается учителей, то они полагаютъ, что ихъ задача заключается единственно въ чтеніи учебныхъ курсовъ, и что воспитаніемъ своихъ учениковъ они никакимъ образомъ не должны заниматься. Г. Фуйе пишетъ: «когда учитель высказалъ, что нужно любить свою семью и умирать за свою родину, то въ этомъ и вся его мораль».

Да и то только самые усердные зайдутъ такъ далеко. Другіе являются вообще большими скептиками во всемъ, что касается такихъ понятій, и хранятъ относительно ихъ презрительное молчаніе или ограничиваются ироническими намеками насчетъ неопредѣленности понятій о нравственности. Истомленные въ приемахъ отрицающей критики, они слишкомъ мало опыты въ распознаваніи людей и вещей для того, чтобы понять, что отнюдь не ребенка нужно обучать чему-либо неопредѣленному. Они часто забываютъ, что ихъ роль состоитъ не въ томъ, чтобы бороться съ традиціями и чувствами, которыя и составляютъ самую основу жизни народа, и безъ которыхъ не можетъ существовать никакое общество. Борьба эта, въ видѣ презрительнаго молчанія учителей, слишкомъ хорошо понимается молодежью. Если бы они обладали не такой книжной, а, слѣд., болѣе высокой философіей, то они скоро увидѣли бы, что если мораль, какъ и всякая наука, всякая вещь, имѣютъ съ философской точки зрѣнія лишь относительное значеніе, то для даннаго народа въ данный моментъ это значеніе дѣлается вполне безусловнымъ и

должно быть строго почитаемо. Общество только и может существовать тогда, когда оно одушевлено общими чувствами, и, главное, общимъ идеаломъ, способнымъ создать правила морали, воспринятые всѣми его членами.

И не важно, какова цѣна этому идеалу въ теоріи, и какова теоретическая оцѣнка той морали, какая изъ него проистекаетъ; не важно, будетъ ли онъ состоятъ въ обожаніи родины, въ славленіи Христа, въ величіи Аллаха или въ какомъ-либо другомъ того же порядка представленіи. Признание какого бы то ни было идеала было всегда достаточно, чтобы внушить народу общія чувства, общіе интересы и вести его отъ варварства къ цивилизаціи.

Именно наслѣдственные идеалы и традиціи, или, если хотите, общіе предразсудки составляютъ фундаментъ внутренней дисциплины, которая является матерью всѣхъ нравственныхъ привычекъ и избавляетъ отъ необходимости подчиняться кому-либо. Пожалуй еще лучше быть въ подчиненіи мертвымъ, чѣмъ живымъ. Народы, не желающіе болѣе подчиняться первымъ, обречены терпѣть тиранію послѣднихъ. Связанные съ нашими предшественниками, мы всѣ представляемъ собой часть этой непрерывной цѣпи, которая и составляетъ расу. Народъ выходитъ изъ состоянія варварства только тогда, когда у него есть защищаемый имъ идеалъ. Какъ только онъ его потерялъ, то обращается не болѣе какъ въ разрозненную человѣческую пыль и скоро возвращается къ варварству.

Чѣмъ особенно затрудняется у католическихъ народовъ обученіе нравственности, это тѣмъ, что въ теченіе долгихъ вѣковъ ихъ мораль была только основана на религіозныхъ предписаніяхъ, не имѣющихъ въ настоящее время силы. Мораль попросту представляла собой то, что было угодно Богу, и Богъ самъ наказывалъ вѣчными муками тѣхъ, кто нарушалъ его законы.

Въ семитическомъ культѣ религія и мораль тѣсно связаны между собой, а въ другихъ культахъ, напр., у индійцевъ, онѣ совершенно не зависятъ одна отъ другой. Эту независимость, противную нашимъ наслѣдственнымъ воззрѣніямъ, мы должны стараться усвоить и при нашемъ культѣ. Выясненіе этого понятія должно бы было составлять часть общеобразовательнаго курса.

И въ самомъ дѣлѣ, стоитъ немножко подумать, чтобы

понять, что религія и мораль—вещи совершенно различныя. По прихоти нашихъ чувствъ или въ зависимости отъ нашихъ интересовъ мы можемъ принять или отвергнуть первую, но всё мы обязаны, поневолё, придерживаться второй *).

Какъ только живыя существа, животныя или люди, организовались въ общество, они неизбежно должны подчиняться извѣстнымъ правиламъ, безъ которыхъ существованіе этого общества было бы невозможно. Преданность общественнымъ интересамъ, уваженіе къ порядку и къ установленнымъ обычаямъ, повиновеніе властямъ, покровительство дѣтямъ и старикамъ и т. д., все это—такія общественныя нужды, которыя не зависятъ ни отъ какой религіи, ибо религіи могутъ измѣняться, а нужды эти все остаются тѣ же. Общеизвѣстныя десять заповѣдей—не что иное, какъ выраженіе правилъ, созданныхъ настоятельно необходимыми въ общественной жизни обязанностями.

Для обученія морали, какъ я уже сказалъ, нужно внѣдрить въ умъ ребенка извѣстныя навыки и не тратить времени на его обученіе правиламъ или на нравоученія.

Если же, однако, учитель призналъ бы необходимымъ толковать о нравственности, то онъ могъ бы сдѣлать это такъ, что его воспитанники были бы заинтересованы. Начавъ съ изученія морали животныхъ, учитель описалъ бы ихъ жизнь въ сообществахъ, потомъ указалъ бы, какъ, создавая рефлексъ, можно внушать нѣкоторымъ животнымъ довольно возвышенныя чувства нравственности, внѣдрять мораль, иногда болѣе высокую, чѣмъ у людей, потому что разсудокъ у животныхъ не такой, какъ у человѣка,—не ступевываетъ пріобрѣтенныхъ рефлексовъ. Переходя затѣмъ къ исторіи цивилизацій, онъ показалъ бы, какимъ образомъ народы выходили изъ состоянія варварства, какъ только имъ удавалось усвоить достаточно прочныя нравственныя правила, и какъ они возвращались къ варварству, когда теряли эти правила.

Далѣе, исходя изъ этихъ общихъ положеній и обращаясь къ отдѣльному человѣку, учитель показалъ бы воспитаннику, что человѣкъ не болѣе, какъ частица своей семьи, и безъ нея былъ бы ничто, откуда и истекаютъ его обязанности по отношенію къ семьѣ, что эта семья не

*) Религія и мораль христіанъ тѣсно связаны между собой, и вопросъ о разрывѣ этой связи—вопросъ очень спорный. *Перев.*

болѣе какъ частица общества, которая безъ него не существовала бы, откуда и проистекають обязанности семьи по отношенію къ обществу. Такъ какъ повседневно намъ приходится опираться на общественный порядокъ, то мы настолько же заинтересованы въ его процвѣтаніи, насколько и въ собственномъ. Общество въ очень незначительной мѣрѣ нуждается въ каждомъ изъ насъ въ отдѣльности, но мы гораздо болѣе нуждаемся въ немъ. Изъ этихъ очевидныхъ соображеній вытекаетъ необходимость соблюдать извѣстные правила въ своихъ поступкахъ.

Совокупность этихъ правилъ составляетъ мораль. Они, по необходимости, различаются у разныхъ народовъ, потому что общества не вездѣ одинаковы между собой и подвергаются медленной эволюціи, но для данной эпохи и для данного народа они, повторяю, неизмѣнны. Только тогда, когда эти правила глубоко засѣли въ душѣ народа, онъ можетъ подняться на высоту цивилизаціи.

Истинная сила Англіи создается не только хорошимъ воспитаніемъ ея сыновъ, не только ея богатствомъ и многочисленнымъ флотомъ, а прежде всего и главнѣе всего огромнымъ могуществомъ ея нравственного идеала. Она имѣетъ прочныя и почитаемыя традиции, имѣетъ начальниковъ, которымъ повинуются, и авторитетъ которыхъ никогда не оспаривается. У нея есть національный Богъ, она одушевлена совокупностью общихъ пожеланій, энергіи и потребностей создавшей ее расы. Древне-библейскій Іегова уже давно сталъ исключительно англійскимъ Богомъ, который управляетъ міромъ на пользу Англіи, принимая ея интересы, какъ основаніе права и справедливости. Другіе народы представляютъ собой не болѣе какъ неопредѣленную массу низшихъ существъ, предназначенныхъ все болѣе и болѣе обращаться въ данниковъ британскаго владычества. Стараясь подчинить народы своимъ законамъ, англичане убѣждены, что они только исполняютъ божественную миссію въ дѣлѣ цивилизаціи міра и въ избавленіи народовъ отъ заблужденій. Арабы тоже думали, когда имъ удалось завоевать часть греко-романскаго міра и образовать одну изъ обширнѣйшихъ извѣстныхъ въ исторіи имперій, что это достигнуто было во исполненіе воли Бога Магомета и благодаря ихъ вѣрованію въ него.

Философъ долженъ преклоняться передъ такими вѣрованіями, когда видитъ великія ихъ дѣйствія. Такія вѣрованія—своего рода силы природы, бороться съ которыми было бы напрасно. Внѣ сферы разума рождаются и умираютъ традиціи и вѣрованія. Когда кажется, что паденіе вѣровацій совершилось подъ вліяніемъ разсужденій, то это значить, что вѣрованія эти были уже сильно поколеблены. Въ настоящее время все, что относится къ идеалу англичанъ, не оспаривается и неоспоримо на британской землѣ. Никакой доводъ разума не смѣетъ къ нему прикоснуться. И старъ, и младъ глубоко чтутъ своего національнаго Бога, уважаютъ традиціи, укорененныя наслѣдственно въ теченіе многихъ вѣковъ, и соблюдаютъ нравственные, вытекающіе изъ этихъ традицій, неизмѣнные принципы. Обладая, кромѣ того, въ высокой степени пониманіемъ дѣйствительности и сознавая силу фактовъ, они умѣютъ къ нимъ примѣняться и примѣняютъ къ нимъ также и свои принципы, а потому самыя унижительныя неудачи не могутъ ихъ привести въ уныніе. Что могутъ, впрочемъ, значить преходящія событія для избраннаго Богомъ народа, считающаго себя вѣчнымъ?

Французы тоже когда-то имѣли довольно внушительный идеаль, но какъ только онъ сталъ казаться неподходящимъ къ ихъ потребностямъ, они его грубо низвергли, и имъ не удалось еще его замѣнить.

Потерявъ свои традиціи и вѣру въ своихъ боговъ, они старались построить новые принципы на почвѣ чистаго разума, принципы, предназначенные поддерживать общественный строй. Но эти принципы все болѣе и болѣе становились спорными и неустойчивыми. Человѣческій разумъ не выказалъ еще достаточной силы и не достигъ еще такой высоты, чтобы могъ создать основы общественнаго строя. Онъ только и могъ воздвигать непрочныя строенія, которыя разваливаются даже ранѣе, чѣмъ они закончены. Онъ ничего прочнаго не создалъ, но все распаталъ. Народы, довѣрившіеся ему, не вѣрятъ болѣе своимъ богамъ, своимъ традиціямъ и своимъ принципамъ. Не болѣе того вѣрятъ они своимъ начальникамъ и ниспровергаютъ ихъ тотчасъ же послѣ того, какъ радостно привѣтствовали ихъ. Совсѣмъ не понимая дѣйствительности, не умѣя отличать возможнаго отъ невозможнаго, они все болѣе и болѣе погружаются въ

хаосъ несбыточныхъ мечтаній, постоянно гоняясь за грезящими имъ призраками.

Какимъ образомъ можно создать общественный идеаль на такихъ измѣнчивыхъ, неустойчивыхъ и ненадежныхъ основаніяхъ? Подъ страхомъ погибнуть нужно, однако, его создать. Нація можетъ существовать нѣкоторое время безъ идеала, но исторія намъ показываетъ, что при такихъ условіяхъ жизнь ея недолговѣчна. Народъ никогда долго не переживалъ смерти своихъ боговъ.

Идеаль, защищаемый народомъ, всегда создается временно, а не по нашей волѣ. Не имѣя возможности создать такой идеаль по нашему желанію, мы принуждены принять его, не пытаясь его оспаривать.

Слишкомъ многое было разрушено во Франціи, и оттого много погибло у нея идеаловъ. Намъ остается, однако, одинъ идеаль, создавшійся въ представленіи о родинѣ. Почти только онъ одинъ оберегаетъ слѣды религій и вѣрованій, которыя разрушило время.

Это представленіе о родинѣ, которое, къ счастью для насъ, сохраняется еще въ душахъ большинства, представляетъ то наслѣдіе чувствъ, традицій, идей и общихъ интересовъ, о какомъ я говорилъ выше. Это—послѣдняя связь, которая поддерживаетъ еще существованіе латинскихъ обществъ. Нужно съ дѣтства внушать любовь къ этому идеалу и необходимость его защищать. Никогда не слѣдуетъ его и обсуждать. Въ нѣмецкихъ школахъ почти въ теченіе цѣлаго вѣка постоянно воодушевляють воспитанниковъ этимъ идеаломъ, а потому Германія сдѣлалась такой сильной, такой великой страной. Въ Англіи нѣтъ надобности внушать такой идеаль: онъ уже давно наслѣдственно укорененъ въ душѣ англичанъ. Въ Америкѣ, гдѣ представленіе о родинѣ еще нѣсколько ново и могло бы колебаться отъ постоянного притока чужестранной крови, столь опасной для страны, которая еще не въ силахъ ее поглотить, этотъ идеаль составляетъ одинъ изъ существенныхъ пунктовъ обученія, одинъ изъ тѣхъ, на которыхъ воспитатели болѣе всего настаивають.

«Пусть учитель, пишетъ одинъ изъ нихъ, никогда не забываетъ, что каждый воспитанникъ есть американскій гражданинъ, и что при всякомъ обученіи, особенно при обученіи географіи и исторіи, вопросъ о патріотизмѣ долженъ

быть на первомъ планѣ для того, чтобы внушать ребенку почти безпредѣльное восхищеніе передъ великой націей, которую онъ долженъ называть своей».

Къ несчастью, кажется, такія идеи уже не господствуютъ въ нашей правительственной школѣ. Она слишкомъ пропитана социализмомъ, космополитизмомъ и раціонализмомъ. Идея о родинѣ въ глазахъ многихъ молодыхъ учителей—какая-то ветошь, не стоящая, пожалуй, и вниманія *). Одинъ выдающійся университетскій профессоръ, сдѣлавшійся затѣмъ академикомъ, въ весьма сильныхъ выраженіяхъ отмѣтилъ еще задолго до того, какъ ударился въ политику, этотъ глубокій порокъ Университета, столь опасный для воспитанія юношества.

Когда не обладаешь достаточными философскими умозрѣніями для того, чтобы понять неизбежности, создавшія идеаль, то нужно, по меньшей мѣрѣ, не забывать, что безъ этого идеала общество не можетъ существовать. Критиковать идею о родинѣ, желать ослабить защищающую ее армію, значить предоставить себя непріятельскимъ вторженіямъ, кровавымъ революціямъ и кесарямъ освободителямъ, такъ сказать, всѣмъ случаямъ того низкаго паденія, благодаря которому столько народовъ закончило свою исторію.

Новый духъ, который все болѣе и болѣе распространяется въ нашемъ Университетѣ, составляетъ, повторяю, страшную опасность для нашей будущности. Эта опасность

*) Нѣкоторые изъ нихъ идутъ еще гораздо далѣе. Недавно министръ народнаго просвѣщенія долженъ былъ смѣстить одного учителя, который поучалъ воспитанниковъ, что французское знамя слѣдовало бы воткнуть въ навозъ, и сравнивалъ солдатъ съ ворами, взламывающими замки. Тотчасъ же одинъ изъ его коллегъ, по уполномочію отъ курсовъ Сорбонны, открылъ въ пользу его подписку; министру пришлось и съ нимъ поступить круто. Спрошенный по этому дѣлу въ палатѣ депутатовъ г. Лейгъ (Leygues) произнесъ слѣдующія слова, которыя, къ счастью, были покрыты рукоплесканіями:

„... Погибъ бы не только Университетъ, но погибла бы и сама Франція, если бы знамени ея можно было наносить оскорбленія, если бы высшая идея о родинѣ, о самоотверженіи и самопожертвованіи, на какія въ минуту опасности для нея долженъ быть готовъ каждый, могла бы отрицаться и осуждаться именно тѣми, кто долженъ готовить будущность Франціи“.

Дѣянія, какія министру народнаго просвѣщенія пришлось пресѣчь, бросаютъ мрачную тѣнь на умственный складъ нѣкоторыхъ изъ нашихъ учителей. Подобныя дѣянія были бы невозможны въ Германіи и въ Англіи, гдѣ идея о родинѣ пользуется всеобщимъ почетомъ. Недавняя война показала мощь этой идеи въ Японіи.

слишкомъ очевидна, чтобы не поразить всѣ тѣ умы, которые интересуются судьбой нашей страны.

... Кажется, сказалъ недавно въ одной изъ своихъ рѣчей бывшій министр Р. Пуанкаре, что съ нѣкотораго времени повѣялъ скверный вѣтеръ на души нѣкоторыхъ французъ и вывѣтрилъ изъ нихъ воспоминанія, которыя можно было бы считать неагладимыми! Нашлись даже въ Университетѣ умы, которые поддались соблазну и были сбиты съ толку какимъ-то гуманитарнымъ мистицизмомъ. Встрѣчались люди, которые не признавали болѣе въ трехпѣтномъ знамени нашего національнаго единства, не признавали священнаго символа нашихъ печалей и нашихъ надеждъ и поносили армию преступной бранью. Будь проклята живая философія, какою прикрываются эти посягательства на родину! Философія эта, подъ предлогомъ гуманности, не признаетъ чувствъ, которыя болѣе всего способствуютъ возвышенности сердца у людей, укрѣпляютъ ихъ характеръ и облагораживаютъ жизнь, самой судьбой имъ предназначенную.

Съ своей стороны П. Дешанель, предѣдатель палаты депутатовъ, говоритъ въ одной изъ своихъ рѣчей: въ этой недавней выходкѣ опасно не только то, что какой-нибудь французъ, какой-нибудь наставникъ юношества, какой-нибудь учитель изъ университетской среды оскорбилъ знамя и обозвалъ павшихъ на Мадагаскарѣ французскихъ солдатъ и моряковъ грабителями; опасность еще и въ томъ, что нашлись другіе профессора изъ первыхъ рядовъ нашей университетской іерархіи, которые защищали его, нашлась одна изъ нашихъ партій, которая устроила въ честь его манифестацію, нашлись среди нашихъ уравновѣшенныхъ и благоразумныхъ народныхъ массъ, видѣвшихъ 30 лѣтъ тому назадъ вторженіе врага, многія газеты, которыя вмѣсто того, чтобы быть отголоскомъ народнаго негодованія, старались найти что-либо въ извиненіе подобныхъ оскорбленій нашихъ солдатъ и нашего знамени.

И въ чемъ же коренная причина этихъ порывовъ видимаго гуманитаризма? Да, просто, — затаенная въ душѣ сильная жажда неравенства, которая заставляетъ насъ кричать о принципахъ равенства. Выйдя, какъ это очень часто бываетъ, изъ самыхъ темныхъ слоевъ демократіи, наши учителя не хотятъ имѣть никакого общенія съ членами среды, въ которой родились. Они думаютъ, что ихъ дипломы возвели ихъ въ ряды настоящей аристократіи, которая должна избѣгать такого общенія. Г. Гуаянь (Georges Gouan) въ одной статьѣ въ *Revue des Deux Mondes* очень хорошо разоблачилъ эти побужденія. Вотъ нѣкоторыя выдержки изъ этой статьи:

... Еще въ 1894 г. предвидѣли, что если преклоненіе передъ милитаризмомъ осуждалось этими писателями, забывшими великое его значеніе, то потому, что это преклоненіе, главнымъ образомъ, тревожило въ нихъ извѣстное чувство равнодушія и аристократическую потребность въ неравенствѣ. Съ теченіемъ времени и при своей смѣлости они разоблачили свою душу, и, какъ бы скверна она ни была, намъ нужно ее распознать.

Что возбуждаетъ и сильно раздражаетъ такого писателя во время его жизни въ казармѣ, то это то, что товарищами его являются простолудины и крестьяне, настоящіе мужики, грубые, неповоротливые, необтесанные дикари, проявляющіе свою любовь безъ извращеній. Сладострастный и благородный мечтатель считаетъ себя выброшеннымъ изъ

своей среды, если въ казармѣ онъ долженъ жить въ такомъ сообществѣ.

Что особенно является парадоксомъ, скажемъ прямо, софизмомъ, это—обращеніе со словомъ „демократія“; этимъ словомъ щелкаютъ, какъ бичемъ, чтобы мстить за извѣстныя обиды и страданія въ казармѣ, происходящія именно у нашихъ „интеллигентовъ“ отъ врожденнаго ихъ отвращенія къ демократіи.

Пролетарская масса, увѣряетъ одинъ писатель, не имѣетъ никакого интереса въ почитаніи чего-то въ сущности неопредѣленнаго, туманнаго, что представляетъ собой родина. Поэтому заставимъ пролетаріатъ понять, что послѣдствія поражений извнѣ мало вліяютъ на его судьбу, и что личное его благо не требуетъ того, чтобы онъ дрался; онъ уже не станетъ драться. Вотъ предпоследнее слово пропаганды антимилитаризма: наставленіе въ трусости, въ основаніи котораго лежитъ эгоизмъ, какъ главный двигатель.

При такомъ оборотѣ дѣла этотъ гуманитаризмъ представляетъ некрасивую картину. Человѣкъ, нарушающій свой долгъ, очень любитъ обманывать себя возвышенными стремленіями и считать себя нѣкоторою частью принимающаго новыя формы человѣчества въ то самое время, когда онъ перестаетъ интересоваться себѣ подобными, включая неисполненіе своего долга въ число элементовъ эволюціи этого человѣчества.

Этотъ вопросъ настоятельно требуетъ самаго серьезнаго вниманія, онъ въ настоящее время является жизненнымъ. Народъ можетъ существовать только тогда, когда обладаетъ нѣкоторыми общими идеями. Намъ остается только одна идея, которая можетъ защищаться всѣми партіями: идея о родинѣ.

И нѣтъ надобности въ метафизическихъ или сентиментальныхъ соображеніяхъ, чтобы внушать юношеству значеніе этого идеала. Стоить только ему указывать, чтó случается съ народами, утратившими свою родину. Исторія Ирландіи, Польши, Трансвааля, Арменіи и т. д. намъ показываетъ участь націй, подпавшихъ подъ законъ чужеземнаго хозяина. Поляки, битые нѣмцами и русскими и ссылаемые въ Сибирь за нежеланіе подчиняться желѣзному режиму *); армяне и болгары, избиваемые періодически массами, когда они не могутъ безропотно смотрѣть, какъ для потѣхи фанатиковъ пашей мучать ихъ старцевъ и дѣтей; ирландцы, осужденные англичанами на голодную смерть, и т. д.—все это указываетъ, какова участь народовъ, у которыхъ нѣтъ болѣе отчизны. Потерявъ ее, они потеряли все, даже право имѣть свою исторію.

Идея о родинѣ, разумѣется, включаетъ въ себѣ уваженіе къ арміи, обязанной ее охранять.

Несомнѣнно, что милитаризмъ есть одна изъ язвъ Европы.

*) Краски сильно сгущены. *Перев.*

Онъ опасенъ и разорителенъ, но было бы еще гораздо опаснѣе и гораздо разорительнѣе желать упраздненія его. Содержаніе жандармовъ стоитъ также очень дорого. Однако, никто не говоритъ, что можно было бы безъ нихъ обойтись, потому что всякій хорошо знаетъ, что безъ нихъ мы сейчасъ же сдѣлались бы жертвами грабителей и убійцъ.

Ничто не можетъ быть гибельнѣе для будущности страны, какъ рѣчи нѣкоторыхъ недалководныхъ филантроповъ, говорящихъ о разоруженіи, о братствѣ и о всеобщемъ мирѣ. Ихъ смутный гуманитаризмъ кончить тѣмъ, что совершенно подорветъ нашъ патріотизмъ и оставитъ насъ безоружными передъ противниками, которые никогда не разоружаются. Подождемъ слушать всѣхъ этихъ болтуновъ, пока у насъ не будетъ болѣе враговъ.

Но, увы! Мы очень далеки отъ этого. По правдѣ сказать, никогда ихъ у насъ не было больше, чѣмъ теперь. Нужно быть особенно ослѣпленнымъ призраками, чтобы не видѣть этого.

Г. Фаге далъ прекрасныя страницы, гдѣ показалъ, что, становясь даже только на чисто утилитарную точку зрѣнія, мы должны глубоко уважать нашу родину, а также и армію, призванную ее защищать. Вотъ нѣкоторыя мѣста этихъ страницъ:

Францію почти всѣ проклинаютъ. Три побудительныхъ причины—злоба, боязнь и жадность, которыя соединили противъ Польши ея могущественныхъ сосѣдей, вооружаютъ въ высокой степени противъ Франціи столь же опасныхъ, окружающихъ ее, сосѣдей.

Исчезновеніе Франціи становится мечтой Европы. Подобно Польшѣ, Франція долго волновала Европу своими набѣгами; подобно Польшѣ, она долго досаждала Европѣ своими внутренними неурядицами; французъ, какъ и поляковъ, считаютъ народомъ слишкомъ храбрымъ и слишкомъ удалымъ, хотя и потерявшимъ, несмотря на сохранившуюся храбрость, охоту ко всякимъ затѣямъ; Франція, имѣющая со всѣхъ сторонъ сосѣдей, легко, какъ Польша, можетъ подвергнуться раздѣлу.

Итакъ, надо глубоко любить свою родину. Но что необходимо соблюдать для этой любви? Безъ увертокъ и лишннихъ словъ скажемъ прямо, что родину нужно любить въ лицѣ защищающей ее силы, т. е. въ лицѣ ея арміи, какъ всѣ народы міра любили свою отчизну въ лицѣ организованной для ея защиты силы. Патріотизмъ не есть милитаризмъ; патріотизмъ идетъ глубже, идетъ, если хотите, выше и касается другихъ сторонъ жизни народа, но прежде всего онъ проявляется въ любви къ арміи, и милитаризмъ есть знакъ и мѣра патріотизма.

Если въ какой-нибудь странѣ антимилитаристы составляютъ большинство, то это вѣрный признакъ, что она себя отрицаетъ; если въ странѣ появилась только партія антимилитаристовъ, то это уже очень дурной знакъ, и нужно забыть тревогу...

Отчизна, это—армія; армія, это—сама отчизна въ томъ смыслѣ, что

она — живой органъ, создававшійся народомъ медленно въ теченіе вѣковъ, когда онъ устраивалъ свою страну и постепенно организовывалъ въ своей средѣ силу для своего существованія и для поддержки себя.

... Армія — не только мечъ страны; армія, это—железный остовъ народа. Благодаря арміи нація не представляется какимъ-то безпозвоночнымъ существомъ; арміей держится нація ...

Только въ качествѣ солдатъ, въ качествѣ членовъ арміи французы познаютъ свое сотрудничество въ какомъ-либо общемъ дѣлѣ и свое единодушіе въ проявленіи одушевляющей ихъ общей идеи.

Народы, очень цивилизованные, которые не заботились о своей военной силѣ, погибали и, погибая, отставали въ цивилизаціи, или, что то же, заставляли ее отставать.

Если первую, общую съ демократіей, характерною чертою арміи является то, что она глубоко хранитъ извѣстные завѣты, то есть еще и другія сходственныя черты. Армія—школа чести, школа равенства, школа благородной бѣдности.

... Хорошо имѣть въ такомъ обществѣ, какъ наше, нѣчто такое, что было бы внѣ вліянія денегъ; хорошо, чтобы было что-либо блестящее, что-либо почетное, что противостояло бы плутократіи торжествующей или близкой къ тому; хорошо, что есть что-то, что служить противовѣсомъ золотому тельцу. Могущество этого послѣдняго нуждается въ противовѣсѣ.

Армія не знаетъ денегъ, о нихъ не заботится и относится къ нимъ съ пренебреженіемъ. Еще и въ этомъ она представляетъ одну изъ самыхъ лучшихъ сторонъ демократіи. Она—какъ бы блестящее и благородное выраженіе самой демократіи. И демократія въ этомъ не ошибается. Искренніе антимилитаристы только и водятся въ зажиточныхъ классахъ ...

Было бы желательно, чтобы побольше педагоговъ раздѣляло высказанныя идеи вмѣсто того, чтобы болѣе или менѣе открыто проповѣдывать совершенно противоположныя теоріи. Нѣмецкіе университеты создали величіе Германіи той силой, какую они сумѣли придать идеѣ о родинѣ. Нашъ Университетъ, повидимому, не призванъ, къ сожалѣнію, играть такую роль. Если духъ, все болѣе и болѣе проникающій въ среду нашихъ учителей, будетъ продолжать распространяться, то намъ будетъ грозить быстрое распаденіе. Народъ можетъ проиграть сраженія, потерять провинціи и подняться вновь. Если онъ не обладаетъ тѣми чувствами, которыя являются какъ бы устоями его души и источникомъ его могущества, то онъ потерялъ все, и тогда ему не подняться.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Обучение истории и литературы.

1. Обучение истории. Въ лицѣхъ история проходитъ какъ мнемотехника, а не какъ философія. Родословныя таблицы и перечни сраженій. Экспериментальное обучение истории. Памятники и произведенія искусства. Какъ нужно обучать. История цивилизацій.

2. Обучение литературы. Какъ она преподается въ правительственной школѣ, и какъ бы слѣдовало ее преподавать. Методы, какіе нужно примѣнять. Принципъ повторительныхъ чтеній и послѣдовательныхъ исправленій. Какъ научаютъ воспитанника совершенствовать самому свой стиль. Чтеніе образцовыхъ произведеній. Безполезность истолкователей. Значеніе заготовленныхъ рѣчей и разговоровъ, какіе навязываютъ ученикамъ.

1. Обучение истории.

Сами же присяжные педагоги нашей правительственной школы (*les universitaires*), содѣйствовавшіе, болѣе чѣмъ кто-либо, перегрузкѣ программъ, порицали ихъ передъ парламентскою комиссіей. Опытъ неминуемо долженъ былъ имъ показать, что мнемоническое обучение истории, какъ оно ими ведется, составляетъ для учениковъ полнѣйшую потерю времени. Въ настоящее время наиболѣе умѣлые учителя сами признають, что бесполезно перегрузили программы.

Исторія можетъ быть или мнемотехникой, или философіей. Подъ видомъ мнемотехники она рискуетъ понапрасну утомлять ребенка. Философскій характеръ она можетъ приобрести только при извѣстномъ возрастѣ воспитанника, когда юноша способенъ примѣнять свои разсужденія къ странамъ, сосѣднимъ съ той, гдѣ ему придется жить.

Ребенку можно съ пользою преподавать только крупныя событія древней истории и первыхъ вѣковъ нашей собственной истории посредствомъ картинъ, которыя производили бы дѣйствіе на его воображеніе и наводили бы его на сравненіе съ тѣмъ, что онъ ежедневно видитъ вокругъ себя, и это оставляло бы въ немъ прочное впечатлѣніе. (*Gréard*).

Теперь на протяженіи всего курса 3-го и отчасти 2-го классовъ изучается исторія среднихъ вѣковъ. Это слишкомъ много, а результатъ очень незначителенъ. Для огромнаго большинства учениковъ, и я думаю, можно сказать, для всѣхъ, средневѣковая исторія, за исключеніемъ

великихъ событій, которыя можно было бы преподавать въ значительно меньшее время,—почти непонятна. Слѣдовательно, было бы возможно выиграть много времени, убиваемого на Меровинговъ, Каролингъ и первыхъ Капетинговъ. (Lavissee).

«Понапрасну утомлять», говорить г. Греаръ. Обучать вещамъ «почти непонятнымъ», говорить г. Лависсъ. Вотъ итогъ обученія исторіи въ правительственной школѣ. Изъ-за страха провалиться на экзаменѣ несчастные воспитанники должны набивать свою голову огромнымъ количествомъ годовъ сраженій, родословныхъ таблицъ, какими заполнены классическія программы. Вѣдь этого они ничего не хотятъ учить. И вотъ почему, зная очень хорошо исторію персовъ и перечень всѣхъ представителей династіи ахеменидовъ, они знаютъ лишь нѣсколько словъ изъ новѣйшей исторіи. Много бакалавровъ, какъ мы видѣли въ одномъ изъ приведенныхъ выше показаній, никогда не слыхали о войнѣ 1870 г. *).

Я совершенно такого же мнѣнія, какъ г.г. Лависсъ и Греаръ, что необходимо упростить обученіе древней исторіи до нѣсколькихъ краткихъ описаній историческихъ событій, которыя легко умѣстились бы на очень маломъ числѣ страницъ. Я, можетъ быть, не совсѣмъ согласенъ съ ихъ увѣреніемъ, что подробное обученіе исторіи, какъ излагается она въ классическихъ книгахъ, порождаетъ въ ученикѣ только ложныя сужденія и извращаетъ его способность отличать добро отъ зла. Историческіе факты, представляя почти всегда торжество хитрости, насилія и силы, являются не очень-то подходящими для образованія дѣтскаго ума. Стоитъ только дѣтямъ прочесть нѣкоторыя сочиненія историковъ (что они рано или поздно и сдѣлаютъ), чтобы сейчасъ же замѣтить, что одни и тѣ же факты представлены и освѣщены у разныхъ авторовъ самымъ противорѣчивымъ образомъ. Возможность та-

*) Такъ какъ еще совсѣмъ недавно она не входила въ программы, то большинство воспитанниковъ начальныхъ школъ ничего о ней не слыхало. Въ газетѣ *Temps*, отъ 8 марта 1901 г., напечатано письмо одного эскадроннаго командира, который ежегодно подвергалъ 50 поступающихъ къ нему новобранцевъ письменному испытанію, состоящему въ томъ, что они должны были изложить отвѣты на заданные имъ очень простые вопросы. Изъ нихъ 30 никогда ничего не слыхали о нашихъ бѣдствіяхъ, 10 имѣли о нихъ смутныя понятія и только 10, парижанъ главнымъ образомъ, знаютъ, что это была за война. Въ дѣйствительности, можно сказать, больше половины французовъ настоящаго поколѣнія никогда не слыхали о франко-германской войнѣ и, слѣд., совсѣмъ не подозреваютъ, какія получились глубокія поученія изъ нашихъ поражений.

кихъ противорѣчій воспитанники распространять на все, чему ихъ обучаютъ, и довѣріе ихъ къ авторитету учителей будетъ поколеблено.

Многое, однако, можно было бы извлечь изъ обученія исторіи для образованія ума молодыхъ людей, если бы это обученіе велось совсѣмъ въ другомъ духѣ, чѣмъ тотъ, какой царить среди учителей нашей правительственной школы.

Вмѣсто родословныхъ таблицъ царствовавшихъ домовъ, вмѣсто перечней сраженій нужно было бы уяснять воспитаннику то, что каждый народъ оставилъ послѣ себя, т. е. излагать исторію его цивилизаціи. Она особенно усваивается при изученіи памятниковъ и различныхъ произведеній искусства. Если эти произведенія показывать воспитаннику въ видѣ фотографическихъ снимковъ, въ волшебномъ фонарѣ, въ музеяхъ, то онъ заинтересовывается и всегда запоминаетъ все, что видѣлъ, тогда какъ никогда не удерживаетъ въ памяти того, что выучилъ наизусть *).

2. Обучение литературѣ.

Изученіе литературы въ лицеяхъ ограничиваютъ разборомъ знаменитыхъ авторовъ, заставляя воспитанниковъ читать лишь небольшіе изъ нихъ отрывки, сидятъ на этимологіи, на грамматическихъ особенностяхъ и на всякихъ тонкостяхъ, какія только могутъ зародиться въ мозгахъ людей, надутыхъ ученой важностью и незанятыхъ ничѣмъ инымъ. Ученикъ сумѣетъ очень хорошо на экзаменѣ объяснить, что такое пастораль, что такое маленькое поэтическое произведеніе, состоящее изъ поговорокъ, пословицъ и т. д. Онъ не читалъ ни одного автора, но сумѣетъ пересказать византійскіе споры истолкователей произведеній великихъ писателей. Вотъ, впрочемъ, какъ отзывался о литературномъ образованіи нашихъ лицейстовъ одинъ достойный представитель Университета, бывшій профессоръ Нормальной школы, г. Фуье:

*) Примѣромъ такихъ пособій для обученія исторіи можетъ служить моя книга *Histoire des Civilisations de l'Orient*, 3 тома въ 14 съ 1200 гравюръ, исполненныхъ въ большинствѣ по фотографіямъ, собраннымъ въ моихъ путешествіяхъ.

Желаете видѣть теперь, что даетъ уму это мнемотехническое изученіе? Прочтите донесеніе Парижскаго Факультета ¹⁾ о бакалаврской степени. Вы тамъ увидите, что французскія сочиненія на заданную тему становятся все болѣе и болѣе сочиненіями по памяти на темы изъ исторіи литературы и театра; въ концѣ концовъ у массы учениковъ сочиненія эти выходятъ такими посредственными и однообразными, что становится почти невозможнымъ ихъ сортировать.

... Изученіе литературы, какъ понимаютъ его самые образованные люди, т. е. основательное, развращало бы юношей. Къ счастью, изученіе ея ведется поверхностно, и вмѣсто того, чтобы развращать сердце, до-вольствуются тѣмъ, что притупляютъ умственные способности перегрузкою памяти ²⁾.

Литература представляетъ собой почти единственную отрасль знаній, какую было бы правильно изучать посредствомъ чтенія книгъ, а Университетъ именно и не допускаетъ такихъ книгъ. Сѣтуютъ на жалкій французскій языкъ большинства бакалавровъ. Если онъ и не хуже еще, то это потому, что ученики почитываютъ тихонько отъ учителей.

Для того, чтобы научиться мыслить ясно, чтобы изучить литературу своего народа и умѣть правильно выражаться, имѣется одинъ только способъ. Сжечь, прежде всего, ученыхъ грамматиковъ, сборники избранныхъ отрывковъ изъ произведеній, краткіе учебники и, главное, разсужденія истолкователей, затѣмъ прочесть и перечитать около сотни образцовыхъ классическихкихъ произведеній. За тѣ деньги, какихъ стоятъ двѣ или три ученыхъ грамматиковъ, эти невыносимые, риторическіе трактаты, какими въ настоящее время набиваютъ юношество, можно было бы каждому воспитаннику имѣть собраніе книжекъ, по 25 сантим. каждая, состоящее изъ сотни образцовыхъ произведеній древнихъ и современныхъ классиковъ. Двѣсти томиковъ составили бы весьма полную библіотеку. Тогда учитель могъ бы ограничиваться тѣмъ, что заставлялъ бы воспитанника разбирать не готовый чужой разборъ, но именно то, что онъ самъ читалъ, и сочиненія состояли бы единственно въ томъ, чтобы излагать ту же тему, какая уже изложена у прочитаннаго автора, напр., какой-нибудь неза-тѣйливый разсказецъ. Потомъ учитель указалъ бы, — что, впро-чемъ, большая часть воспитанниковъ увидѣли бы очень хорошо и сами, — разницу между ихъ стилемъ и стилемъ великихъ авторовъ. Сравненіе пріучало бы ихъ исправлять слогу. Они скоро привыкли бы отличать длинные и запутанные фразы,

¹⁾ По отдѣлу „des lettres“. *Перев.*

²⁾ Fouillée. *Echec pédagogique des lettrés et des savants.*

чрезмѣрное нагроможденіе прилагательныхъ, плохо связанныя мысли и т. д. Постепенными исправленіями воспитанникъ скоро и безсознательно достигъ бы способности измѣнять свой слогъ, подыскивать вѣрное слово, определенное выраженіе тому, что было неясно сказано. Я не настаиваю, впрочемъ, на томъ, чтобы такой слишкомъ простой и чрезвычайно производительный методъ могъ когда-нибудь быть примѣненъ въ нашей правительственной школѣ, но хорошо то, что его можетъ примѣнять всякій ученикъ самъ. Еще долгіе годы латинская правительственная школа будетъ представлять міру странное и поразительное зрѣлище: 15-ти лѣтніе мальчики не знаютъ ничего о жизни, не могутъ понимать побудительныхъ причинъ, подъ вліяніемъ которыхъ дѣйствовали герои исторіи, а этихъ мальчиковъ заставляютъ сочинять смѣшныя рѣчи, жалкіе образцы которыхъ мы видимъ на общихъ состязательныхъ испытаніяхъ.

Не желая болѣе распространяться въ защиту предлагаемаго мною метода, я прибавлю, что онъ застраховалъ бы воспитанниковъ отъ полнаго незнакомства съ авторами греко-латинской древности, изъ которыхъ они только и могутъ съ трудомъ переводить нѣсколько страницъ при содѣйствіи словаря. Гомеръ усыпительно дѣйствуетъ, когда читаешь случайно выхваченные отрывки, обращаясь за каждымъ словомъ въ словарь. Онъ интересенъ, когда читается сплошь въ переводѣ, и то же можно сказать о многихъ другихъ греко-латинскихъ авторахъ. Число страницъ, переведенныхъ каждымъ воспитанникомъ за восемь лѣтъ классическаго обученія, до крайности мало. Число образцовыхъ произведеній греческихъ, латинскихъ, нѣмецкихъ, англійскихъ и французскихъ авторовъ, которыя могли бы быть прочитаны и перечитаны менѣе, чѣмъ въ два года, наоборотъ, значительно. Это чтеніе было бы, сверхъ того, и интересно для воспитанниковъ, а въ нашей правительственной школѣ особенно рѣдки вещи, которыя при обученіи возбуждали бы въ воспитанникахъ интересъ.